

☪ Лондонская премия представляет писателя ☪

ЛАУРЕАТ III СТЕПЕНИ В НОМИНАЦИИ «ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН»  
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА «НОВЫЙ СКАЗ» ИМ. П. П. БАЖОВА

**Давид Робитов**

# **ИСТОРИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА**

☪ исторический роман ☪

Книга из сборника  
«Время Феофано»



Лондонская премия представляет писателя

Давид Робитов

**История предательства**

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1  
ББК 84(2Рос=Рус)6

**Робитов Д.**

История предательства / Д. Робитов — «ИП Березина Г.Н.»,  
2020 — (Лондонская премия представляет писателя)

ISBN 978-5-907306-34-9

Действие происходит во второй половине десятого века, частью – в Византии, частью – в соседних землях. Император Иоанн Цимисхий и Великий князь варяжской Руси Святослав Храбрый сошлись в смертельной схватке на территории Болгарии. Оба противника – Иоанн и Святослав – погибли, прямо или косвенно, от вероломства тех, кому доверяли. События разворачиваются на фоне трагической судьбы Анастасии, некогда актрисы, затем императрицы, а после узницы без имени и связи с внешним миром.

УДК 821.161.1  
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907306-34-9

© Робитов Д., 2020  
© ИП Березина Г.Н., 2020

# Содержание

Глава первая	9
Глава вторая	31
Глава третья	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

**Давид Робитов**  
**История предательства:**  
**исторический роман. Книга из**  
**сборника «Время Феофано»**

© Робитов Д., 2020

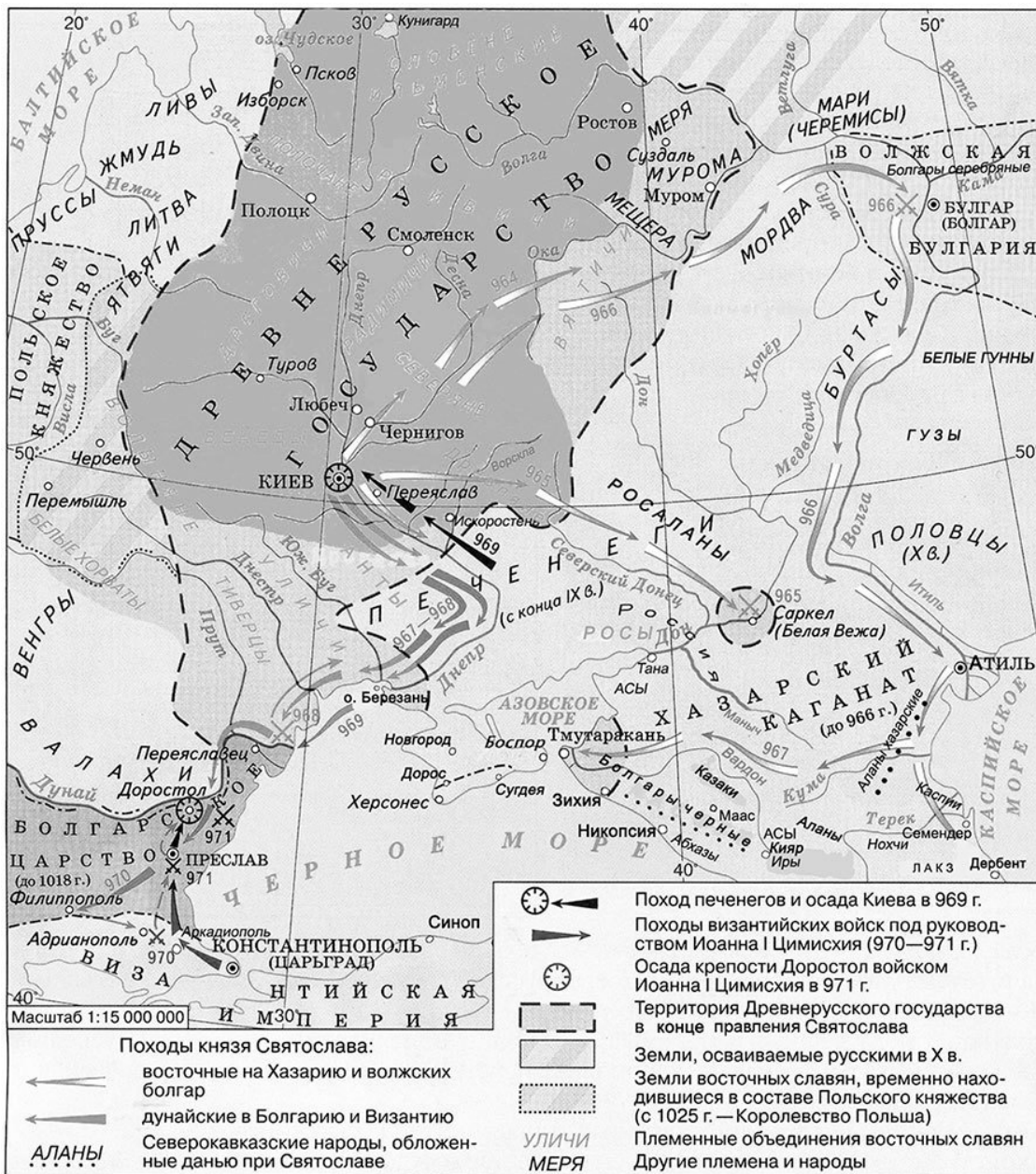
© Интернациональный Союз писателей, 2020

\* \* \*



*Робиташвили Давид Годердзиевич родился 20 января 1961 года в городе Тбилиси Грузинской ССР. После окончания Тбилисского высшего артиллерийского училища с 1983 по 1998 год служил на разных офицерских должностях в Вооруженных силах России, в том числе с 1984 по 1986 год – в Демократической Республике Афганистан. После выхода в запас работал на гражданских предприятиях в различных должностях. Чтобы уверенно аргументировать в спорах с родственниками и знакомыми, с юных лет собирал исторические факты, читал летописи и анализировал. Начал писать статьи. Друзья стали обращаться к нему с вопро-*

сами на историческую тематику. Решение рассказать историю доступным языком созрело к 2010 году. Автор считает, что пишет для тех, кому это действительно интересно.





## Глава первая

*И вот рука предающего Меня со Мною за столом; впрочем, Сын Человеческий идет по предназначению, но горе тому человеку, которым Он предается.*

*Новый Завет. От Луки. Глава 22 – ст. 21, 22.*

Целых три дня и три беспокойные ночи Царский город жил в ожидании бунта и погромов. Но вопреки ожиданию ничего такого не случилось. Шок от зловещей новости – насильственной смерти базилевса-регента – еще не прошел. Горожане были подавлены происшедшим, а городская стража равдухов исправно пресекала все возможные попытки беспорядков. Слухи распространялись по городу самые разнообразные. Малолетние цезари, сыновья почившего базилевса Романа из правящей династии, нуждались в защите и отеческом покровительстве. Кто станет следующим регентом?

На четвертый день после убийства Никифора Фоки<sup>1</sup> бразды правления в Византийской державе публично взял на себя племянник убитого Никифора, магистр Иоанн Куркуас<sup>2</sup> по прозвищу Цимисхий. Такое прозвище было дано Иоанну потому, что он был малого роста.

На рассвете в субботу, одиннадцатого декабря тринадцатого индикта шесть тысяч четырехста семьдесят восьмого года от сотворения мира, что соответствовало 969 году от Рождества Христова, по улицам города разъезжал отряд избранных воинов, провозглашая Иоанна и малолетних цезарей соправителями и самодержцами ромеев. Формула провозглашения нового базилевса обязательно включала имена законных наследников правящей Македонской династии, Багрянородных цезарей Василия и Константина, не достигших совершеннолетия.

В небольшом удалении от воинов следовал проедр Василий Ноф<sup>3</sup>. Номинально он занимал высший гражданский чин председателя правительства, но реальная власть при Никифоре II была сосредоточена в руках его брата Льва, удостоенного титула куропалата – одного из первых по значению титулов в византийской иерархии, обычно жалованного ближайшим родственникам государя и высокопоставленным иностранцам. Проедр, хотя и был скопцом, отличался предприимчивостью, изобретательностью и умением применяться к различным обстоятельствам. Он внимательно наблюдал за реакцией простого люда на улицах и площадях, чтобы немедленно реагировать на настроение толпы. Городские стражники, в свою очередь следовавшие за ним, готовы были немедленно действовать по его указанию, хватая зачинщиков беспорядков или просто недовольных.

К вечеру Василий вернулся во дворец и, как все три дня подряд, увидел новопровозглашенного базилевса над базилевсами, пьяного вдрызг. Муки совести терзали Цимисхия, и, чтобы как-то заглушить их, он напивался до беспамятства. Ужас и чувство вины за содеянное он топил в винном угаре.

Однако медлить дальше было нельзя. Первый шаг к трону был сделан, и, чтобы удержаться на плаву, надо было активно двигаться дальше. Следовало сделать следующий шаг. Отчаявшись привести Иоанна в осмысленное состояние, председатель правительства Василий взял дело в свои умелые руки.

---

<sup>1</sup> Никифор II Фока (ок. 912 года – декабрь 969 года) – военачальник, затем византийский император (963–969 годы). Сын полководца Варды Фоки Старшего.

<sup>2</sup> Иоанн I (Ной) Цимисхий – от «цмсхи» – армянское слово персидского происхождения, означающее тувельку. Византийский император в 969–976 годах.

<sup>3</sup> Василий Ноф/Нот(ос), или евнух Василий (умер ок. 985 года) – первый министр, фактически верховный правитель Византии с 945 года по 985 год (с перерывом в 959–963 годы).

Во время переворотов встречаются праздные из народа и неимущие, которые грабят добро и разрушают дома, а иногда и убивают соотечественников. От имени базилевса проедр разослал по всему городу указы и предписания, в которых под страхом отсечения головы запрещалось поднимать мятежи или совершать ограбления. Эти указы внушили немалый страх горожанам, и никто не посмел в нарушение приказа произвести возмущение. Так Василий предотвратил и подавил безрассудные устремления охлоса.

Обезопасив себя со стороны площадной черни, следовало незамедлительно воспользоваться плодами предательства и позаботиться о государственном аппарате и поддержке власть имущих. Как правило, после стихийных волнений во главе беспорядков становилась одна из четырех ведущих партий Византии.

Безоговорочно выразила поддержку базилевсу Цимисхию партия «зеленых», которая объединяла и выражала интересы торговых олигархов и бюрократов страны. Проедр Василий, как один из руководителей партии, заблаговременно заручился поддержкой всех ее членов.

Вызывала опасения позиция партии «голубых», которая выражала интересы крупных землевладельцев и военного сословия. Часть из них симпатизировала Цимисхию. Но тут было пятьдесят на пятьдесят.

К счастью для заговорщиков, куропалат Лев Фока – всесильный брат убитого базилевса Никифора – был дезориентирован и находился в прострации от случившегося. Если бы он взял себя в руки, ему удалось бы немедленно и без пролития крови лишить Иоанна власти. Ведь большинство чиновников, занимавших государственные должности, получили их от Никифора, а в Константинополе находилось преданное ему войско гвардии и дворцовой охраны. Все они присоединились бы к куропалату Льву, если бы он горячо принял за дело и отважился поднять мятеж.

Но нерешительность Льва развязала проедру руки. Время было упущено. И пока Цимисхий заливал муки совести вином, Василий сделал все возможное для того, чтобы упрочить его и свое положение, устранив от управления государством всех подозрительных людей. И, прежде чем солнце в пятый раз после убийства Никифора возшло над землей, Василий назначил на высшие государственные должности своих приверженцев.

Прежде всего он отстранил от должностей: претора – верховного городского судью и друнгарию флота патрикия Никиту, любимца Никифора. Затем был заменен друнгарий виглы – начальник дворцовой охраны в Константинополе, который подчинялся непосредственно куропалату Льву. Его еще называли в народе ночным эпархом, потому что, хотя городская стража подчинялась эпарху Константинополя, функции тайной полиции и охрана порядка в ночное время возлагались на ведомство друнгарию виглы.

Отстраненным от власти сторонникам Никифора было приказано немедленно покинуть Царский город и вместе с их родственниками жить в своих сельских поместьях.

Выбив опору из-под ног куропалата Льва, проедр Василий занялся и решением его дальнейшей судьбы. Заверив Льва Фоку, что его жизни ничто не угрожает, он отправил того под конвоем в ссылку в город Митимну, расположенный на острове Лесбосе. А его сына Никифора, возглавлявшего ведомство, куда стекались денежные доходы императора, – на остров Имврос. Там они должны были находиться в полной изоляции, под охраной и без права переписки.

И, наконец, проедр сместил всех неблагонадежных, с его точки зрения, стратиггов провинций и поставил вместо них своих близких и доверенных людей. Тогда же он отстранил от должности и отправил в родовое имение в Амасию второго сына куропалата Льва, патрикия Варду, которого император Никифор незадолго до смерти возвел в достоинство дуки Халдии<sup>4</sup>, что соответствовало герцогскому титулу у латинян. И это несмотря на то, что дука в это

---

<sup>4</sup> Халдия – исторический регион на малоазийском побережье Чёрного моря. Столица Трапезунд. С востока она граничила с Лазикой (Кавказская Иверия), на юге – с Каппадокией и Малой Арменией, а на западе – с западной частью Понта.

время находился далеко от столицы, на границе с Абхазским царством и арабскими эмиратами Закавказья.

В знак доверия и укрепления византийско-болгарского союза повелением нового базилевса над базилевсами Роман – брат царя Бориса – и невестребованные болгарские невесты возвращались на родину. Их сопровождал почетный эскорт византийской гвардии с патриkiem Петром во главе. Ему предстояла весьма непростая задача. По прибытии в Болгарию он должен был отстранить от должности наместника Болгарии патрикия Калокира, как ставленника свергнутого базилевса Никифора Фоки. Его следовало отправить в изгнание, в родовое имение в Херсонесе на полуострове Таврия. Сам же Пётр должен был занять место военного советника при дворе болгарского царя Бориса. Ради этой миссии он был освобожден от командования войсками Азии.

В заключение всех государственных перестановок Василий Ноф вернул себе звание и должность паракимомена – главного спальничего базилевса, место первого министра и фактически второго человека в державе.

Таким образом, проедр Василий, сверх всяких ожиданий, за семь дней устроил все дела управления и укрепил власть Цимисхия. Он обеспечил ему поддержку двух крупнейших из четырех партий Византии.

А дальше можно было спокойно заняться привлечением на свою сторону оставшихся партийных объединений. Обычно при больших переворотах возникают стихийные мятежи и беспорядки, но после убийства базилевса Никифора народ молчал и соблюдал полное спокойствие. Никто из телохранителей не получил даже пощечины. Многие наблюдатели связывали это прежде всего с понижением цен на зерно, которое горожане восприняли как хороший знак после трех лет голода. Таким своевременным шагом Василий обеспечил новому базилевсу поддержку со стороны партии «красных» – тех, кто представлял интересы большинства населения в государстве: простых горожан, мелких землевладельцев и сельских общин.

Ему еще оставалось склонить на свою сторону последнюю из четырех партий – политическую организацию «белых», представлявшую интересы духовенства Византии. До сих пор они сохраняли нейтральную позицию. Но нельзя было недооценивать их силу и влияние на общественное мнение.

И самым наглядным проявлением поддержки духовенства было бы венчание Иоанна Куркуаса на царство. Церковная коронация в храме Святой Софии не считалась абсолютной необходимостью в Византии. Это был прежде всего обряд с политической окраской. Он придавал законность занятию трона в глазах международного сообщества.

Для решения этого вопроса паракимомен Василий отправился в резиденцию патриарха на переговоры. И хотя отец Полиевкт<sup>5</sup> был в открытой ссоре с покойным базилевсом, он в очередной раз проявил свою неукротимую энергию. Владыка духовный имел разные недостатки: он был упрям, непримирим, ума несколько ограниченного и недальнзоркого. Но он в то же время был смел, умел говорить ясно и определенно. И категорически отказался возложить корону на голову Цимисхия. И даже пригрозил предать его анафеме, как обагрённого кровью своего родственника и господина. Василию пришлось употребить все свое красноречие, чтобы переубедить первосвященника. Он изложил ему свою версию случившегося:

– Отец мой. Позволь мне говорить с тобою откровенно. Цимисхий стал случайной жертвой роковых обстоятельств. Во всем виновата его страсть к деспине Феофано. Для тебя не является секретом, что эта женщина совратила Иоанна Куркуаса еще в то время, когда была жива его жена – зоста патрикия Мария, подруга деспины. Развратница Феофано прелюбодействовала с ним на женской половине дворца. Базилевс Никифор, узнав об этом, изгнал Цимис-

---

<sup>5</sup> Полиевкт – патриарх с 3 апреля 956 года по 5 февраля 970 года, один из наиболее влиятельных иерархов византийской церкви.

хия из Царского города. Несчастливая Мария – его жена – не перенесла такого позора и скончалась. А распутница воспользовалась этим и уговорила Никифора простить племянника. И когда Цимисхий вернулся из изгнания, замыслила свержение своего царственного мужа, чтобы посадить на трон своего любовника.

– Ты, Василий, хитер как лис. И можешь поставить все с ног на голову. – Не поверил его рассказу патриарх.

– Зачем мне это? – пожал плечами Василий. – Я пекусь только о благе государства. А поскольку лично занимался расследованием обстоятельств заговора, в мои руки попали неопровержимые доказательства. Например, вот эта записка, изъятая у главного постельничего Михаила, с предупреждением о заговоре. Она подтверждает, что Феофано в ночь перед убийством через подготовленные ею тайные ходы укрыла у себя в тайной камерке сильных и опытных воинов. Когда все было готово, Иоанн с остальными спутниками приплыл в лодке к Вуклеону. По веревке, спущенной их сообщниками, они забрались во дворец и ворвались в спальню к Никифору.

– Если это так, – сверкнул глазами патриарх, – и он, и она виновны в этом убийстве!

– Нет-нет, отец мой. Они не желали смерти Никифору. В их планы входило только уговорить его добровольно покинуть дворец и удалиться в монастырь, как он и сам желал долгие годы.

– Почему же произошло убийство?!

– Всему виной несдержанность одного из сообщников. Испытывая личную ненависть к базилевсу, тот набросился на спящего и разрубил его голову. Никто не успел и глазом моргнуть. Что было делать несчастному Цимисхию? Стража жаждала расправы. Ему ничего не оставалось, как отсечь Никифору голову, чтобы выставить ее на всеобщее обозрение. Но разве мертвому уже не все равно?

Когда я вошел в Хрисотриктин, то увидел Иоанна в глубокой печали. Он до сих пор испытывает муки терзающей совести, которые не сравнятся с пытками телесными, за то, что не смог предотвратить это ужасное убийство. Чтобы не оставить державу без государя, я с трудом уговорил его занять трон и надеть красную обувь базилевса.

– Почему преемник он, а не Лев Фока? – спросил подозрительно патриарх.

– У Цимисхия оказалось больше сторонников, чем у Льва, – не моргнув глазом ответил Василий. – Мы же не хотим свергнуть страну в хаос братоубийства? А это неминуемо произошло бы, если бы трон занял Лев Фока, который не может похвастать любовью ни горожан, ни большинства сенаторов. И, как ты убедился, народ уже безо всяких возмущений принял Цимисхия своим базилевсом. Дело за тобой, отец мой.

– Формально красную обувь Владыки вселенной могут носить только государи, связанные родством с Македонской династией. Это право имеют наследники, юные цезари – дети покойного базилевса Романа. Это право имел покойный Никифор, так как был женат на регентше Феофано. Цимисхий не обладает этим правом, – возражал патриарх. – Или, может, он задумал жениться на распутной вдове, похоронившей двух мужей?

– На все воля Вселенского патриарха, – со скрытым лукавством ответил Василий. – Я до поры изолировал ее на женской половине дворца вместе с дочерьми. Чтобы решить ее дальнейшую судьбу, мне надо твое благословение.

– Что говорит по этому поводу сама вдова?

– Уповая на то, что ты, отец, был ее наставником в отроческие годы, она молит о свидании с тобой, чтобы молить о защите и отпущении ее грехов, – скорбно опустил глаза Василий, в то же время внимательно следя за реакцией патриарха. Меньше всего ему хотелось, чтобы они встретились. Ведь тогда отец Полиевкт узнал бы правду. И неизвестно, как бы это потом обернулось.

– Нет прощения ее предательству. Я не желаю ее видеть. Пусть отправляется в монастырь замаливать грехи, – сурово ответил отец Полиевкт. – Иоанну Куркуасу передай, что не позволю ему войти в храм, пока тот не изгонит из дворца деспину Феофано. Кроме этого, у меня есть еще два условия. Во-первых, он должен публично назвать и наказать убийцу базилевса, кем бы таковой ни оказался.

– Справедливо, – согласился Василий. – Кто-то должен понести наказание. А каково второе условие?

И тут патриарх продемонстрировал, что ничто человеческое ему не чуждо. Он воспользовался моментом, чтобы устранить камень преткновения, служивший яблоком раздора с предыдущим базилевсом.

– Я закрою глаза на незаконность занятия трона Цимисхием. Но он должен отменить изданный Никифором в нарушение справедливости «томос», в котором базилевс запрещал синоду без его согласия избирать епископов. Ну а ты, сын мой, – Полиевкт в упор взглянул на Василия, – отменишь право чиновников конфисковать доходы епископов, которые кажутся им излишками. Только после этого я позволю Цимисхию войти под священные своды Святой Софии.

– Я передам базилевсу твои слова, отец мой, – склонился в поклоне Василий, и патриарх протянул ему крест для лобызания. Василий коснулся его губами, получая от Бога благодать посредством креста, а потом поцеловал руку священнику, выражая почтение к его сану.

\* \* \*

На следующий день деспина Феофано была разлучена со своими детьми. Ее сослали в монастырь на острове Принкип, самый большой из Принцевых островов в Мраморном море, недалеко от столицы. Двух дочерей заперли в монастыре на окраине города, а два ее сына пока что оставались во дворце, но под охраной и в полной изоляции. Их дальнейшая судьба была не определена.

В тот же день был схвачен Лев Валант по прозвищу Педиасим, сообщник и собутыльник Цимисхия. Его обвинили в том, что он, и никто иной, собственноручно умертвил базилевса Никифора. Суд был скор, и кара последовала незамедлительно. Несчастного лишили имущества и вырвали язык. Обезображенного и окровавленного, его возили верхом на осле по всему городу. Глашатаи следовали впереди, громко выкрикивая совершенные им преступления, а из глазевшей толпы его осыпали бранью и нечистотами.

Его трагический путь закончился на площади Быка. Там Льву выжгли глаза. Затем специальными щипцами раздавили тестикулы, мужские яички. В завершение окровавленную и отупевшую от боли жертву поместили во чрево быка и разожгли под ней костер. Постепенно металл стал накаляться. К запаху дыма добавился запах горелого мяса. Некоторое время из раскаленного чрева раздавались вопли, усиленные металлическими трубами, которые напоминали рев быка. Затем все стихло. Зеваки, довольные зрелищем, расходились, обсуждая подробности казни цареубийцы.

\* \* \*

Немало пришлось приложить сил паракимомону и дворцовым евнухам, чтобы вывести Вана из непрекращавшегося запоя. Палатины отливали его холодной водой и даже, остерегаясь крутого и взрывного характера, запирали на ночь в изолированной комнате. Их усилия были не напрасны. Вскоре базилевс появился перед сенаторами: до смерти бледный, с потухшими глазами, но все же трезвый. За ним всюду как тень следовал всесильный паракимомон.

Цимисхий своим указом отменил «томос» Никифора, ограничивавший права церковного синода, и вернул из ссылки епископов, сосланных базилевсом за отказ признать его нововведения.

Все требования патриарха были исполнены, и отец Полиевкт допустил Иоанна в святой храм Софии. Коронация состоялась 25 декабря 969 года. Помазание на царство сняло с Цимисхия смертный грех убийства, и тот вернулся в царские палаты, приветствуемый гвардией и народом. Когда он вступил на императорский престол, ему шел сорок пятый год.

Предательство – самый тяжкий грех для человека чести. Покончив с одной крайностью – пьянством, базилевс Цимисхий кинулся в другую – душевное самобичевание и безмерное расточительство. Он стал испытывать такое сочувствие и жалость к страданиям плоти, что, встречая больных, забывал о достоинстве Владыки вселенной и о гордости, рождаемой пурпурным одеянием.

Состояние Цимисхия было велико: оно слагалось из того, что он унаследовал от своих предков, а также из царских даров, которые переходили к нему в качестве щедрых трофеев во время войн. Одну часть своих владений Иоанн приказал распределить между окрестными и соседними земледельцами, а другую часть предназначил для больницы прокаженных, расположенной на другом берегу от Константинополя, с тем чтобы пристроить новые здания к прежним домам страдавших священной болезнью. Он часто навещал их, подходил к прокаженным, раздавал им золото и, хотя был человеком изнеженным и брезгливым, не гнушался врачевать, насколько это было возможно, их покрытые язвами и разрушенные недугом члены.

Распорядившись своим имуществом, он потихоньку стал транжирить и государственные средства. Фему Армениаки, что находилась на побережье между Пафлагонией и Халдией, он освободил от налога потому, что был оттуда родом. Потом стал подумывать об увеличении выплат чиновникам. Но тут уж вмешался паракимомен и на корню пресек разбазаривание государственных средств.

\* \* \*

Горе. Невосполнимая потеря. Убийство обретенного брата и духовного супруга. Стена, за которой жизнь Анастасии была легкой и беззаботной, рухнула. В ее глазах померк свет. Она была как в тумане, когда ее, рыдающую от горя, отрывали от обезглавленного тела Никифора. Ей было все равно, когда ее заперли в собственной опочивальне. Апатия свинцовым грузом сковала ее чувства. Краски жизни поблекли. Вновь и вновь перед ее мысленным взором проходили сцены былой жизни.

Пришла в себя она от холода. В каменном мешке без окон. На охапке гнилой соломы. Нагая. Со скованными цепью руками и ногами. Вместо служанок, предугадывавших каждое ее желание, – заплесневелые, сырые стены.

Это был тюремный подвал женского монастыря на острове Принкип. Каждый монастырь Византии стараниями базилевса Никифора был превращен в неприступную крепость. А каждая крепость должна была либо служить опорой государства на ее рубежах, либо быть местом содержания преступников, тех, кого нельзя было быстро умертвить на площади Быка по политическим соображениям.

Дверь каземата со скрипом отворилась. В камеру вошли три монахини.

– Я – мать Эеридайк, что означает «широкое правосудие», благочинная монастыря. В мои обязанности входит размещение гостей монастыря и паломников. А это, – монахиня указала на сопровождавших ее монахинь, – духовная мать Кимоун, которая слушает, и сестра Аполлония, разрушающая.

– А я севаста Феофано! Немедленно снимите с меня эти цепи и принесите одежду.

– Ты никто, и у тебя нет имени. Ты, никто, должна покаяться в совершенных грехах матери Кимоун. И это будет первым шагом на пути к обретению имени. Только тогда она испросит благословения у матери игуменьи, и тебе выдадут власяницу.

– Как вы смеете?! Сообщите о моем пребывании здесь главному постельничему дворца Михаилу или брату базилевса Льву Фоке.

– Оба названных тобою преступника арестованы и предстанут перед судом.

– Мои сыновья – цезари!

– Наш базилевс – Иоанн Куркуас. Он, преисполненный великодушия, пощадил тебя, преступницу, виновную в смерти базилевса Никифора. И он предоставил тебе возможность покаяться.

– Что?! Цимисхий – базилевс? Это ложь!

– Я знала, что ты будешь упорствовать в своих прегрешениях. Сестра Аполлония поможет тебе встать на путь покаяния. – С этими словами две монахини покинули каземат.

– Нет! Вернитесь! – крикнула им вслед Анастасия.

– Покайся в прегрешениях, тварь, – произнесла сестра Аполлония и, достав из-за пояса плеть, стала осыпать ударами обнаженное тело Анастасии.

\* \* \*

Сколько минуло времени, Анастасия не знала. Солома гнила от испражнений. Вонь от нечистот перемешалась с запахом немытого тела и крови. В кромешной темноте нельзя было понять, день сейчас на дворе или ночь. Гремел замок отпираемой двери. Затем мрак озарялся тусклым фонарем. Входила сестра Аполлония и начинала экзекуцию. Ни крики боли, ни мольбы о милосердии не могли тронуть ее зачерствленное сердце.

– Я согрешила! Каюсь! – кричала в отчаянии Анастасия.

– Покайся, грешница! – словно глухая, сквозь зубы произносила сестра Аполлония и продолжала избиение.

Утомившись, она оставляла Анастасию в полуобморочном состоянии. Поставив для заключенной чашку воды с зачерствленным обьедком лепешки, сестра Аполлония закрывала за собой дверь.

И снова на Анастасию наваливались давящая тишина и вонючий мрак. А еще озноб и холод, медленно высасывавший жизнь из ее изувеченного тела. Анастасия отчетливо поняла, что жить ей осталось совсем немного.

\* \* \*

И вдруг как по волшебству все изменилось. Как обычно, загремел замок отпираемой двери. Но вошла не сестра Аполлония с плетью, а мать Эеридайк. И сопровождали ее несколько сестер. Они сняли с Анастасии цепи и вывели из каземата. Затем провели в моечную комнату и отмыли ее тело от засохшей крови и нечистот. Смазали лечебными мазями ее раны и одели во власяницу. Глаза ее отвыкли от яркого света, поэтому вывели ее из каземата в сумерках.

Анастасию провели в келью, расположенную в башне. На единственном окне были решетки. А у входа стоял караул. Но зато из окна были видны небо, море и чайки, а в углу стояла просто сколоченная деревянная, но настоящая кровать, с подушкой и одеялом.

– Мать игуменьи услышала твои мольбы и покаяние. Ты заслужила имя Леда, что означает «женщина». Мать игуменьи благословила твой перевод в более удобную келью. Отныне навещать тебя будет не сестра Аполлония, а духовная мать Кимоун. Ей ты сможешь покаяться в своих грехах.

– Передайте матушке игуменье, что и в дальнейшем я искренне надеюсь на ее покровительство и ее благословение, – смиренно ответила Анастасия.

– Еще матушка игуменья благословила твое, Леда, свидание с посетительницей. Вы можете пообщаться в моем присутствии, но не более десяти минут. Предупреждаю: говорить только о погоде и здоровье. В противном случае посещений больше не будет, а замаливать грехи будет помогать сестра Аполлония. Я понятно говорю?

Убедившись, что Анастасия все правильно поняла, мать Эридайк распорядилась:

– Приведите сюда гостью монастыря.

Вскоре в келью вошла девушка.

– Добрый день, наставница, – сказала она, обращаясь к Анастасии.

– Феофана, племянница Марии Склирины, – вспомнила Анастасия одну из своих учениц, которой преподавала высокую науку сценического перевоплощения.

– Да. И племянница базилевса Иоанна Куркуаса, – подтвердила Феофана и в порыве эмоций подошла к Анастасии и взяла ее за руки. – Меня послала в монастырь моя мать София, потому что она беспокоится о твоём здоровье.

– Передай матушке, что теперь мое здоровье несравненно лучше прежнего, – ответила Анастасия, косясь в сторону матери Эридайк. Она подозревала, что ее чудесное спасение связано непосредственно с этим визитом. – Какая погода у вас дома? Не дуют ветры с севера? – Иносказательно Анастасия просила гостью передать братьям весточку о себе и просить их о помощи. – Облака, что видны из этого окошка, напоминают мне белых оленей, мчащихся по небу. А молнии – как стрелы, пронзающие их.

– У нас дома дуют разные ветры, – понимающе глядя ей в глаза, ответила Феофана. – Белый олень<sup>6</sup>, пронзенный стрелой? Очень красиво. Эти образы навеяли мне мысль о том, чтобы соткать полотно с их изображением. Когда полотно будет готово, я привезу его тебе.

– Благослови тебя Бог, девочка моя, – сказала Анастасия, обняв и прижав к себе посетительницу.

– Свидание окончено, – объявила мать Эридайк. Она дождалась, когда Феофана покинула келью, и захлопнула дверь. Загремел закрываемый засов.

Вновь Анастасия осталась одна. Но она была жива. И теперь у нее появилась надежда.

\* \* \*

Чтобы как-то встряхнуть базилевса и отвлечь от душевных мук, Василий Ноф попробовал привлечь его к решению дел государственных. А решать было что. После убийства Никифора врагов у державы не стало меньше. И к ним добавились еще бывшие друзья и временные союзники. Василий нашел момент, чтобы уединиться с Цимисхием для серьезного разговора.

– Послушай, Иоанн, заканчивай разводить сопли. Ты волен распоряжаться своим имуществом, но государственной казной может распоряжаться только синклит.

– Я базилевс! И могу делать что хочу, – вскочил Цимисхий.

– Недолго тебе быть базилевсом, когда враги подступят к Константинополю.

– До сих пор ты и сам неплохо справлялся с проблемами. Чего ты ждешь от меня?

– Я не могу объять все. Помоги мне, Иоанн. Мне надо решать внутренние проблемы: с доставкой зерна из Херсонеса<sup>7</sup>, со сборами налогов и с подавлением выступлений оппозиции.

---

<sup>6</sup> Белый олень – символ Героя, по следу которого идет Смерть. Изображался на гербах войсковых братств (гетов, казаров). В том числе сохранился и в древнем гербе казачьего Войска Донского.

<sup>7</sup> Херсонёс Таврический, или просто Херсонес (в летописях Древней Руси – Корсунь) – полис, основанный древними греками на юго-западном побережье Крыма и просуществовавший до конца XIV века.

Ну а ты делай то, что можешь лучше всего, – займись войной на наших границах. Кажется, ты говорил, что не одобряешь внешнюю политику Никифора. Вот и покажи, на что ты способен.

– А что могло произойти на наших границах за этот месяц?

– Очень многое. Исламское государство террора расширяет свою территорию с юга. Сначала карматская чума накрыла Египет. Теперь, в связи со смертью Никифора, халиф Кайруана<sup>8</sup> считает себя свободным от договора с Византией. Его проповедники пробираются в Левант<sup>9</sup>. И это в то время, когда кафедральная Антиохия<sup>10</sup> осталась без комита, а Церковь Азии – без патриарха. Под вопросом и федеративный договор с эмиром Алеппо<sup>11</sup>.

– Значит, мы можем потерять Сирию? – уточнил Цимисхий. Василий кивнул в ответ и продолжил:

– Как ни горячи новости с юга, а на севере все гораздо хуже.

– Говори-говори, – подбодрил его Цимисхий и сел с показным спокойствием.

– Царь Болгарии Борис<sup>12</sup> с благодарностью воспринял возвращение на родину «болгарских невест» и своего брата. Он радушно принял патрикия Петра, который должен был остаться при его дворе советником. А патрикия Калокиру, временному наместнику на захваченных в ходе войны территориях, было вручено предписание убыть в свое поместье на Таврии. Вместе с Калокиром Болгарию должны были покинуть и все наемные отряды скифов. Русы за свое участие в войне получили земли левобережья и потому, соблюдая договор, должны были уйти за Истр<sup>13</sup>. Так было решено еще при Никифоре.

– И...

– Я недооценил этого выскочку из Херсонеса. Его надо было под охраной доставить в Константинополь и уже тут решать его судьбу. Но я ошибся! И Калокир немедленно воспользовался своей отставкой и свободой. Он обратился за помощью к царю русов Святославу<sup>14</sup>. Заручившись его поддержкой, Калокир поднял мятеж, чтобы захватить власть в Болгарии.

– Я никогда не доверял норманнам, – поморщился Цимисхий. – Разве они не союзники нам?

– Союзный договор Святослав заключил с Никифором. И теперь, после его смерти, считает себя обязанным защищать его наследство и Македонскую династию. Не теряя времени, он с ходу вторично взял Мегаполис на Истре. А изменник Калокир пленил царя Бориса и его брата в Малом Преславе, том, что находится возле кафедрального города Плиска. Он изгнал патрикия Петра и велел тому не возвращаться. Но Пётр не послушался его. Он собрал сторонников царя Бориса в Филиппополе<sup>15</sup>. Ему удалось мобилизовать городское ополчение, и он хотел вести его на Преслав освобождать царя.

– Как Калокиру и царю русов удалось так быстро собрать войско и достичь Болгарии? – удивился Цимисхий.

– Ничего необычного, – пожал плечами Василий. – У Калокира были в Болгарии в качестве охраны наемники – очень боеспособный отряд грейтунгов из Таврии. А царь Святослав

<sup>8</sup> Кайруан (араб. Эль-Кайрван – «караван») – город в Тунисе. Самый святой город мусульман Магриба.

<sup>9</sup> Левант – общее название стран восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Израиль, Иордания, Египет, Турция и др.), в более узком смысле – Сирии, Палестины и Ливана.

<sup>10</sup> Антиохия Великая в Древней Сирии, совр. Антакья на территории современной Турции. Один из центров христианства, именно здесь ученикам Христа впервые было дано имя «христиане».

<sup>11</sup> Алеппо (араб. Халяб) – крупнейший город в Сирии.

<sup>12</sup> Борис II (931–977 годы) – царь Болгарии в 969–977 годах, с 971 года находился в византийском плену, однако на родине продолжал считаться болгарским царем. Старший сын царя Петра I и царицы Ирины.

<sup>13</sup> Древнее название нижнего течения реки Дунай (перс. Дуней дон – «всемирная река», лат. Данубий).

<sup>14</sup> Святослав Игоревич из рода Рюриковичей (942 год – март 972 года) – Великий князь киевский в 969–972 годах, прославился как полководец. Сын киевского князя Игоря и княгини Ольги-Елены.

<sup>15</sup> Пловдив, в прошлом Филиппополь – второй по величине город Болгарии.

в это время гостил у своего тестя, венгерского царя, в городе Буда<sup>16</sup>. Это одно из княжеств на территории распавшегося государства Великой Моравии<sup>17</sup>. И на службе у царя Святослава было много наемных викингов, которым не надо много времени на сборы. Да и перемещаются они по воде быстрее, чем всадники – по суше.

– Значит, Великий Преслав захвачен, и царь Борис пленен, – пожевал ус Цимисхий.

– Не только. Как я уже говорил, викинги славятся быстротой перемещения и внезапностью нападения. Они не дали патрикию Петру времени на сбор и обучение ополченцев, – сделал скорбное лицо Василий. – Сегодня ночью прибыл гонец от Петра. Второй по величине и центр провинции Фракия – город Филиппополь – тоже пал.

– Гонец сообщил подробности?

– Да, разумеется.

– Как известно, река Гебр разделяет город на две части. Непостижимым образом викинги перетасили свои ладьи через горы из Данубия в Гебр и, как у них принято, ранним утром высадились в самом сердце города. Гарнизон и ополченцы, собранные патрикием Петром, стойко сопротивлялись агрессору, но удержать город не смогли. И только обозлили нападавших. Объятых ужасом, испуганных фракийцев викинги умерщвляли с врожденной жестокостью. Гонец говорит, что, с бою взяв Филиппополь, они со свойственной им бесчеловечной свирепостью на Адском холме посадили на кол двадцать тысяч городских жителей, оказавших сопротивление. Патрикию Петру удалось бежать. Сейчас он находится в Адрианополе<sup>18</sup>, нашем городе на границе с Болгарией.

– Наши послы связывались со Сфендославом? Почему он не придерживается договора?

– Да, конечно. Посланцы Петра выходили с ним на переговоры.

– И?..

– Царь Святослав передал, что прежний договор в силе и он не хочет войны с Византией.

– Тогда зачем ему все это?

– В связи с новыми обстоятельствами он выдвигает свои условия примирения.

– И чего он хочет?

– Он требует восстановить на троне Владык вселенной законную Македонскую династию в лице сыновей базилевса Романа. Еще чтобы ты оставил патрикия Калокира в Болгарии на должности стратига. И, наконец, он требует возмещения ущерба, причиненного ему патрикием Петром в результате военных действий. И в случае выполнения договоренностей по этим пунктам обещает разобраться с нашим противником на Западе, так же как разобрался с малехом на Востоке.

– Что вождю русов до царской династии в Византии? Не все ли ему равно?

– Перед Богом и людьми его мать была крестной дочерью базилевса Константина Багрянородного<sup>19</sup>, – объяснил Василий. – Значит, по божьим и людским законам внуки Константина – это его племянники.

– Не смеди меня. Императрица Ирина ослепила собственного сына в той комнате, где родила его. Что уж тут говорить о родственных чувствах Сфендослава.

– Князь Святослав заключил союзный договор с базилевсом Никифором, женатым на Феофано, как с представителем Македонской династии. Этот договор подразумевает, что союз-

---

<sup>16</sup> Будапешт – столица Венгрии, образованная в 1873 году в результате слияния трех городов на берегах Дуная: Пешта, Буды и Обуды.

<sup>17</sup> Великая Моравия – раннефеодальное славянское государство, существовавшее в 822–907 годах на Среднем Дунае. В период наибольшего могущества включало в себя территории современных Венгрии, Словакии, Чехии, а также Малую Польшу, часть Украины и исторической области Силезия.

<sup>18</sup> Эдирне, или Одрин – город и район в северо-западной европейской части Турции.

<sup>19</sup> Константин VII Багрянородный – византийский император из Македонской династии, номинально с 913 года, фактически в 945–959 годах.

ники должны поддерживать друг друга и вступать в войну, если одной из сторон кто-то угрожает. Твое вступление на трон Святослав расценил как угрозу династии, с которой тебя ничто не связывает. – Василий пожал плечами. – Конечно, это только предлог для начала военных действий. Действительных же побудительных причин может быть гораздо больше.

Цимисхий какое-то время молча обдумывал это. Потом снова спросил:

– А что Сфендослав имеет в виду, когда говорит о наших врагах на Западе?

– Он намекает, что хочет атаковать императора германской нации Оттона<sup>20</sup>. – Василий выдержал паузу. – Наверняка врет, чтобы отвести нам глаза и потянуть время. Аттила тоже ходил на Запад, но в конце концов повернул свое войско на Константинополь. Оставив Калокира у царя Бориса, мы тем самым отдадим Болгарию русам. А потеряв это буферное государство, сами станем открыты для нашествия северян.

– А что сейчас делает царь русов? Если мы не выполним его требования, осмелится ли он напасть на Византию?

– По моим сведениям, он укрепляет свое влияние в болгарских городах вдоль реки и нападать на Византию пока не спешит.

– Вероятно, ждет подкрепления, – предположил Цимисхий. – Сколько у него сейчас воинов? Тех, что умещаются на норманнских плоскодонках, не должно быть очень много.

– Мне это неизвестно. Но я уже распорядился отправить к нему переговорщиков. Пусть заверят царя Святослава, что наследникам базилевса Романа ничто не угрожает. Между тем пусть они попытаются разузнать его ближайшие планы, а заодно посчитают вражье войско.

– Переговоры – это хорошо. Это дает нам время, которого у нас действительно нет. – Цимисхий вскочил и заходил из угла в угол, о чем-то напряженно думая.

– Сколько понадобится времени, чтобы объявить мобилизацию в феме Македония?

– Сначала необходимо будет срочно собрать внеочередное заседание синклита, добиться единогласного решения о начале войны и выделении на это средств из казны. Потом мобилизовать ополчение, вооружить и утвердить командный состав. Провести плановые занятия по боевому слаживанию. Ну, в целом – около месяца.

– Калокир это тоже знает. И если он уговорит Сфендослава напасть на Константинополь, то это произойдет раньше чем через месяц. – Цимисхий продолжал скорым шагом бесцельно передвигаться по комнате. Василий удовлетворенно подметил, как куда-то пропала его апатия. Свои раздумья Цимисхий дополнял жестикуляцией. Вдруг он остановился и в упор взглянул на Василия.

– Вот что. Школа юных саларов, которую создал Никифор, подчиняется непосредственно базилевсу. Каждый из курсантов – это как минимум обученный воин, который стоит десятерых стратиотов ополченцев. Из них можно сформировать тысячную фалангу. Два раза в год они проводят военные учения, приближенные к боевым. И казне они тоже обходятся недешево. Что если им провести очередное учение в боевой обстановке, а перед этим совершить марш-бросок из Царского города к Адрианополю?

– Звучит неплохо, – одобрительно поддержал эту идею Василий. – Полк курсантов и пара добровольческих полков, которые на месте наскребет патрикий Пётр. С таким войском он успешно сможет противостоять царю Святославу на наших границах.

– Нет, – оборвал Цимисхий паракимомена. – Стратопедарх Пётр – твой ставленник, и я не сомневаюсь в его преданности. Но он уже проиграл все схватки с русами. А я не имею права на риск.

---

<sup>20</sup> Оттон I Великий (912–973 годы) – герцог Саксонии (под именем Оттон II) в 936–961 годах, король Германии с 936 года, король Италии с 961 года, император Священной Римской империи с 962 года. Сын короля Германии Генриха I и Матильды Вестфальской.

Поэтому войском командовать будет мой шурина Варда Склир. Он вчера прибыл из Тарса<sup>21</sup>, чтобы, если понадобится, поддержать мою партию в столице. Его сопровождает несколько сотен рыцарей-катафрактов. С частью конных императорских гвардейцев они составят ядро тяжелой ударной конницы. – Почувствовав себя в родной стихии, Цимисхий отбросил в сторону сиюность и сострадание. Он снова стал тем, кем был всегда, – жестким военным, талантливым стратегом и любимцем войск. – А Пётр пусть займется тем, что лучше всего получается у скопцов: переговорами и сбором сведений о противнике.

– Слушаюсь, государь. – Василий был доволен. Его план удался. Цимисхий наконец-то начал управлять страной.

– А начальником в Антиохию отправь Михаила Вурцу. Во-первых, он хорошо изучил окрестности во время ведения осады и уже был ее комитом, пока покойный Никифор не отстранил его от этой должности. И, во-вторых, это гарантия того, чтобы его не постигла участь Льва Валанта.

– Да будет так, – согласился Василий, решая судьбу второго сообщника Иоанна. – Чем дальше он от столицы, тем лучше. Злые языки перестанут трепать его имя и скоро забудут вообще.

– А насчет кандидата на кафедру Азии я сам поговорю с отцом Полиевктом. Есть у меня один подходящий монах, который сможет привить сирийцам правильный взгляд на учение Христа. – Цимисхий рухнул в кресло, давая понять, что разговор утомил его и он хочет остаться наедине.

Василий кивнул, как бы соглашаясь с волей государя. Но не уходил, мялся, нервно покручивая кольцо на руке.

– Что-то еще? – усталым голосом спросил Цимисхий.

– Есть еще один вопрос, который требует первостепенного решения, – вкрадчиво начал паракимомен. – Первым пунктом царь Святослав требует восстановления на троне Владык законных представителей династии. И в нашей недавней беседе патриарх правильно поставил вопрос о правомерности ношения тобой красной обуви. Юридически такое право передается только потомкам Македонской династии, то есть молодым цезарям. А если вдруг их не станет?

– Ты что-то замыслил против своих племянников? – Цимисхий подозрительно пронзил Василия взглядом.

– Ну что ты. Это я так, чисто теоретически. Ведь все мы ходим под Богом, – скорчил обиженное лицо Василий. – Вот и Никифор был женат на вдове покойного Романа, официально объявленной регентом. И этим браком был связан с правящей династией.

– Что ты предлагаешь?

– Еще живы сестры покойного базилевса Романа, которых отправили в монастырь. Одна из них могла бы стать твоей духовной супругой. И тогда все династические претензии отпали бы сами собой.

– Монашка? Браво! – Цимисхий снова вскочил. – Что за проклятие лежит на царском троне?! Никифор был женат на своей сестре. И поэтому ее мог иметь кто угодно, кроме него самого. Ты же предлагаешь мне жениться на твоей племяннице, монахини. И что, я тоже смогу иметь кого угодно, кроме своей жены?

– Такова участь всех царей. Брак – это прежде всего политический шаг.

– Ну вот что. Анастасия вторично осталась вдовой. И я на ней женюсь.

– Она объявлена пособником убийцы. Будет ли это благоразумно?

– Формирование общественного мнения – это твоя забота. Придумаешь что-нибудь.

---

<sup>21</sup> Тарсус (ранее Тарс) – исторический город в Турции, на юго-востоке Анатолии на Киликийской равнине, в 20 км от Средиземного моря.

– Она не простит тебе смерти Никифора и не согласится стать твоей супругой, – угрюмо возразил Василий.

– Разве ссылка недостаточно остудила ее горе? Пусть пока еще посидит в монастырской крепости. Рано или поздно, но эта гордячка будет моей. Она на коленях будет умолять меня, чтобы я на ней женился.

– Патриарх будет против этого брака, – снова возразил паракимомен.

– Я уговорю его, потому что возьму в жены только ее! И давай, Василий, на этом закончим наш разговор.

\* \* \*

В этот раз своим местопребыванием в Болгарии Великий князь Святослав избрал Преслав на Истре, столицу ее предпоследнего царя Петра, чаще называемую Мегаполисом. Хотя во избежание путаницы росы предпочитали называть занятый город Переяславцем.

Ромейские послы доставили Великому князю послание от базилевса. Как обычно, послы изъяснялись витиевато. Но за призывами к миру скрывалась угроза:

«Мы верим в то, что провидение управляет вселенной, и все исповедуем христианские законы. Поэтому мы считаем, что не должны сами разрушать доставшийся нам от отцов неоскверненный и, благодаря Богу, непоколебимый мир. Вот почему мы настоятельно убеждаем и советуем вам как друзьям тотчас же, без промедления и отговорок покинуть страну, которая вам отнюдь не принадлежит. Знайте, что если вы не последуете сему доброму совету, то не мы, а вы окажетесь нарушителями заключенного в давние времена мира. Пусть наш ответ не покажется вам дерзким. Мы уповаем на бессмертного Бога – Христа: если вы сами не уйдете из страны, то мы изгоним вас из нее против вашей воли.

Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря, который, презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском на тысяче судов, а вернулся едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды. Напомню я и о его дальнейшей жалкой судьбе, когда, отправившись в поход на германцев<sup>22</sup>, он был привязан к стволам деревьев и разорван надвое. Я думаю, что и ты не вернешься в свое отечество, если вынудишь ромейскую силу выступить против тебя. Ты найдешь погибель здесь со всем своим войском, и ни один факелonosец не прибудет в Скифию, чтобы возвестить о постигшей вас страшной участи».

Святослав терпеливо выслушал византийских послов, но не спешил с ответом. Он дождался прибытия воеводы Свенельда в Болгарию и после этого собрал своих ближайших соратников на совещание. Кроме Свенельда там были патрикий Калокир, конунг Икмор и воевода Волк.

– Князья, соратники. Мы сделали то, о чем просил меня патрикий Калокир. Исполнили свой союзнический долг и задавили мятеж дунайских болгарцев, спровоцированный послом узурпатора. Нашими стараниями малолетние наследники Константина Багрянородного будут живы, хотя и формально отстранены от власти. Но на этом наши успехи заканчиваются. Со смертью базилевса Никифора аннулированы все наши договоренности с ромеями о совместной войне на Западе. Настало время подумать, а что же дальше.

– А что, их жизни действительно что-то угрожало? – спросил Икмор.

– Их мать и сестер отправили в монастырь. А там неудобные люди долго не живут, – ответил за Святослава Калокир. – Теперь нашими усилиями хотя бы цезарей оставили во дворце. Тоже клетка, но зато на виду и под присмотром синклита.

– Однако фактически в Константинополе правит новый базилевс, – продолжил Святослав. – Он не связан родством с правящей династией и, вопреки нашим первоначальным дого-

---

<sup>22</sup> Лев Диакон (кн. 6.10).

воренностям с Никифором, не хочет помочь нам в походе на Запад. Узурпатор требует, чтобы мы ушли за Истр. Его послы напомнили мне, как мой отец принял смерть возле Искоростеня<sup>23</sup>. При чем тут это? – недоуменно пожал плечами Святослав. – Лучше бы вспомнили про Одда Вещего, дядьку моего отца. Стражники базилевса незаконно взяли под арест торговца русича, считая свои интересы выше международных законов. Хотя всем известно, что всякий иностранец подданный подсуден только своему государю. Тогда Одд привел войско Руси под стены Царьграда и заставил ромеев блюсти договор. А на воротах, ведущих к слободе русских купцов в Царьграде, Одд прибил свой щит – в знак того, что слобода находится под его защитой.

– А как прошли переговоры с венграми? – полюбопытствовал Калокир.

– Удачно, – ответил Святослав. – В среднем течении реки Маджары и те княжества, что остались от Великой Моравии, примкнули бы к нам. Мой угорский тесть Великий князь Такшонь<sup>24</sup> заверил меня в этом. При его дворе полно князей с отрезанными ушами и носами. Это им память о «благородстве» Оттона Каролинга.

– Земля дунайских болгар нам без надобности, – сказал конунг Икмор. – Но Данубий – длинная река. За Истр, выше крепости Доростол<sup>25</sup>, мы по ней еще не ходили. До сих пор города франков викинги брали, нападая с побережья океана. Теперь у нас появилась возможность пройти в самое сердце их страны, навстречу конунгу Гундреду, который захватил плацдарм в западной части полуострова Иберии. Замкнув круг, мы затянем петлю у франков на шее.

– Император Оттон разбил Союз ободритов<sup>26</sup> и занимает их земли. Его бароны убивают мужчин, а молодых женщин делают рабынями. Они рвутся к Венедскому морю. Князья бодричей и лютичей молят меня о помощи. Ударив в самое сердце территории саксонских баронов, я дал бы свободу славянам и немцам, вернул бы Западной Руси родной город моего деда – Миклухин Бор. Разбив Каролингов, ромей вернули бы себе контроль над Италией. Только слепец не увидел бы тут своей выгоды, – добавил Святослав.

– Ты говорил об этом с послами узурпатора? – спросил Икмор.

– Разумеется, говорил, – кивнул Святослав. – Но послы, как ослы, продолжают талдычить одно и то же. Базилевс, мол, не хочет оставлять патрикия Калокира в Болгарии.

– Истр принадлежит Болгарскому царству, а само царство – федерат Византии, – мрачно покачал головой Калокир. – Никифор Фока, с которым был заключен первоначальный договор, канул в Лету. А Цимисхий известен в определенных кругах как сторонник сближения с Западом. Он восхищается Оттоном. Если меня тут не будет, то как долго болгары будут позволять викингам проходить через Истр вверх по Данубию?

– Так что решим, князь? Уходим домой не солоно хлебавши? – спросил Святослав.

Некоторое время длилось молчание. Каждый обдумывал слова князя. Первым высказался Икмор:

– А зачем нам вообще договариваться с ромеями? – сплюнул конунг. – Обойдемся без них. Царь Борис и его столичный город находятся под контролем патрикия Калокира. Разве нельзя убедить его отказаться от федерального договора с Византией и подписать союзный договор с Русью? Пусть поставит Калокира во главе боярской думы или во главе своих войск. В Переяславце обустроим военную базу Руси. И устье мировой реки будет под нашей охраной.

---

<sup>23</sup> Искоростень (гот. Кёрстен) можно перевести как «город Бога на кресте». Столица древлян (тервингов) на притоке Днепра, реке Ворскле. Сожжен в 946 году по приказу княгини Ольги.

<sup>24</sup> Такшонь (931–972 годы) – князь венгров (955–972 годы).

<sup>25</sup> Силистра (ранее Доростол, Дристр) – торговый город на северо-востоке Болгарии.

<sup>26</sup> Ободри́ты (бодричи) – средневековый союз славянских племен, относившихся к полабским славянам. Место обитания – нижнее течение Эльбы (Лабы), запад современного Мекленбурга, на севере Германии.

– Если свершим такое, то тем самым спровоцируем большую войну с Византией, – заметил Калокир. – Тогда вам точно не видать городов германских баронов. Во всяком случае, не в этой жизни.

– А что предлагаешь ты? – спросил патрикия Святослав.

– Надо напасть на Византию сейчас, пока она слаба, и свергнуть узурпатора. В худшем случае вынудить базилевса отказаться от северных территорий, от Болгарии – в частности. Только в этом случае я смогу уговорить царя Бориса заключить договор с Русью, а викингам гарантировать беспрепятственный проход в верховья реки.

– Нападать на Византию неразумно. Наш союз скреплен договорами еще со времен Одда Вещего. А твоя матушка, князь, была крестной дочерью Константина Багрянородного, – стал отговаривать от опрометчивого решения князя воевода Свенельд.

– Да, но сейчас в Константинополе сидит узурпатор. Мы можем напасть на Царский город с моря и разом решить все проблемы с базилевсом, – предложил Икмор. – Победителей не судят!

– Залив Золотой Рог перегорожен цепью. Внезапного нападения не получится. К тому же и сам город, и Большой дворец под защитой стен. И персы, и арабы пытались захватить его с моря. Не вышло, – возразил Калокир.

– Совсем не обязательно захватывать Царский город. Сделаем так, как уже делали и авары, и болгары. Подойдем к его внешним стенам и под страхом нападения вынудим базилевса пойти на уступки, – предложил воевода Волк.

– Хорошее предложение, – поддержал его Калокир. – Наш враг – не ромеи, а только Цимисхий. Он узурпировал власть, пока законные наследники трона малы. В самой Византии у нас есть и сторонники, и друзья. И в доказательство тому вот этот перстень с грифоном рода Фока. Мои друзья из Херсонеса связались в Амасье<sup>27</sup>, городе на другой стороне моря, с герцогом Вардом, сыном Льва Фоки. Он готов поднять восстание в Азии, чтобы поддержать наше выступление в Европе.

– А ему что за корысть нас поддерживать? Не ровен час – предаст, – засомневался Свенельд.

– Не предаст, – уверенно заявил Калокир. – Его отца и брата обвиняют в мятеже. Их упрятали в крепости на островах. И в перспективе их жизнь находится под вопросом. А Варда хочет добиться от нового базилевса их амнистии и возвращения домой.

– Это сильная мотивация, – согласился Свенельд.

– Как только союзные войска встанут у Длинных стен, фема Херсонес приостановит поставку зерна в столицу. Голодный бунт в Царском городе будет неизбежен. Горожане свергнут тирана и поддержат любого, кто даст им хлеб.

– Что ж, решено! – подвел итог Святослав. – Идем на юг, к стенам Константинополя. И пусть нас поддержат друзья из Азии и Таврии.

– А сколько у нас бойцов? – задал вопрос Калокир и сам себе ответил: – Тысяча болгарских гвардейцев из Преслава под командованием тысяцкого Ивана, грейтунги Дороса<sup>28</sup> под командой риха Никиты – еще три тысячи. Итого вместе с тремя тысячами викингов конунга Икмора и русской дружины воеводы Волка – восемь тысяч воинов. – Калокир покачал головой. – Маловато для осады Длинных стен. Нам не хватает конницы.

---

<sup>27</sup> Амасья – древняя столица Понтийского царства. Позже столица фемы (военно-административный округ) Армениак на востоке Византийской империи. Современный город и район в Северной Турции.

<sup>28</sup> Мангуп (ранее Дорос в стране Дори) – в III веке столица империи Остроготы от Чёрного моря до Балтики. Поздне-византийское православное княжество Феодоро (Крымская Готия), затем турецкая крепость Мангуп-Кале. Останки города-крепости в Бахчисарайском районе Крыма.

– И трех тысяч на ушкуях<sup>29</sup> хватило, чтобы с ходу взять Филиппополь, – презрительно скривился Икмор.

– Река не подходит к Длинным стенам, – возразил Калокир. – И мне трудно будет убедить болгар в союзничестве с варягами, если на месте каждого взятого ими города будет оставлена безжизненная пустынь.

– Конунга Гунара проткнули копьем со спины. Это был нечестный удар. Жители Филиппополя поплатились за это. Мы справили хорошую тризну, – мрачно проворчал Икмор.

– На войне часто гибнут, но это не повод вырезать всех поголовно, – набросился на него Калокир.

– Страх у врагов – наш лучший союзник, – тотчас парировал Икмор.

– Хватит препираться, – оборвал споривших предводителей Святослав, потом усмехнулся и добавил: – Когда я обдумывал нашу будущую войну в Саксонии, то признавал, что мне понадобится конное войско. Я приказал воеводе Свенельду переговорить об этом с Курей, каганом Печенежского союза. И вот конное войско уже на подходе. Очень кстати. Расскажи, как тебе это удалось, воевода.

Почувствовав на себе горящие любопытством взгляды, Свенельд даже как-то стушевался. Но, быстро взяв себя в руки, стал рассказывать:

– Завершив дела у сожженного города Самандара<sup>30</sup>, я возвращался в Киев на Непре через предгорную Аланию. По пути остановился на отдых во временной ставке печенежского кагана Кури в Пятигорье. Там меня и нашел гонец с приказом Великого князя Святослава следовать к нему в придунайскую Болгарию с конным войском.

Но где мне было взять войско? Наши союзники куманы-гузы остались обустроиваться в степях «золотых» аланов возле Самандара. А каган Куря, возглавивший кангарскую орду степняков, был в состоянии войны с ханами Кавказской Алании. И хотя местные казаки приняли сторону печенегов и помогли им захватить Пятигорье, война обещала быть долгой.

К счастью, в это же время иронский князь Урдуре захватил Маас<sup>31</sup> – горную столицу Кавказской Алании и тем самым временно нейтрализовал гуннов Папагии. Осталось решить проблему на северо-западном побережье Кавказа. Там на западе Казакии<sup>32</sup>, в Тмутаракани<sup>33</sup>, находились так называемые Климаты Хазарии. Эти крепости обороняли болгары черные, хазарские вассалы.

Свенельд сделал паузу. Но никто не проронил ни слова. Все с нетерпением ждали продолжения. И он не заставил себя долго ждать:

– Чтобы без боя совладать с ними, замечательный ход придумал каган Куря, – продолжал рассказ Свенельд. – Немного ранее на правом берегу Итиля его воины пленили жену малеха рахдонитов, царя Атильского. Сам малех, как известно, уплыл в Самандар, где и сгинул. А вот жену свою бросил раньше в пылавшем городе Атиле<sup>34</sup>. – Свенельд замолчал. Никто его не торопил.

---

<sup>29</sup> Ушкуй – историческое название плоскодонных речных судов. Этимология этого термина связана с поморским словом «ошкуй», означавшим «белый медведь».

<sup>30</sup> Семендер (Самандар) – ранняя столица Хазарского каганата (в первой половине VIII века). Где-то в районе Нижний Терек – севернее совр. Махачкалы на территории прикаспийского Дагестана.

<sup>31</sup> Столица гуннской Буриберди (тюрк. Овсети) находилась в городе Маас, что означает «благочестие» (Ал-Масуди). Маас разрушен в XIII веке Тамерланом (Тимуром) во время войн с Тохтамышем. Нижне-Архызское городище в Карачаево-Черкесии в России.

<sup>32</sup> Историческая область, приблизительно соответствует Краснодарскому краю России.

<sup>33</sup> Это один из древнейших городов Таманского полуострова. Был расположен на территории современной станицы Тамань Темрюкского района Краснодарского края.

<sup>34</sup> Атиль – последняя столица Хазарского каганата (иудейского царства) в устье Волги, недалеко от современного города Астрахань. Город затоплен при повышении уровня Каспийского моря.

– Я не удивлен, – заметил Калокир. – Для малеха она не представляла ценности, так как не была иудейкой по рождению. Ее дети не смогли бы наследовать трон. Женившись на ней, он преследовал лишь политические цели.

– Эта смелая женщина самостоятельно перебралась на аланский берег и пробиралась к своему отцу в Маас, но по пути попала в плен к печенегам, – заметил воевода.

– Ну и дела... – покачал головой Калокир.

– Пленив вдову малеха, каган Куря вспомнил, как готские рихи покоряли Европу, беря в жены местных царевен, – продолжал Свенельд. – А потом так же русские князья брали в жены готских царевен, чтобы вернуть свои вотчины в Таврии и в Карпатских горах. По тому же пути пошел и иронский князь Урдуре. Он взял в жены дочь побежденного хана гунно-болгар и так овладел всей их Волчьей страной – Буриберди, которую греки называют Папагией.

Воевода смущенно замялся, что было нехарактерно для него.

– Вот тут-то каган Куря и придумал, как мне выполнить приказ Великого князя и собрать ему конное войско. Он предложил мне взять в жены вдову малеха, которая волей случая попала к нему в плен.

– Ну и дела... – снова удивленно покачал головой Калокир. И Святослав как-то по-новому, серьезно глядел на воеводу, хотя в глазах его искрились смешинки.

– Сказано – сделано, – решительно продолжал Свенельд. – Я женился на вдове. И так овладел всеми вассальными ханствами Атиля на побережье Тмутаракани. После этого я приказал черным болгарам следовать за собой к Истру. И князь Урдуре не возражал. Он был только рад избавиться от воинственной оппозиции.

В то же время, узнав, что болгарцы уходят, вольные казаки, ранее оттесненные хазарами к Манычу<sup>35</sup>, стали возвращаться в Тмутаракань и родную Казакию. А некоторые из них также стали проситься в мое войско.

Я сказал об этом кагану. И каган Куря разрешил мне набирать охочих степняков из местных улусов Дона и Маныча, входивших в Печенежский каганат. А поскольку сам каган оставался в Пятигорье, то утвердил на командовании войском из аланских улусов Дона походного атамана по имени Сивый Конь.

Закончив с формальностями, я попрощался с каганом Курей и возле Белой Вежи переправился на правобережье Дона. Дальше по землям печенегов повел свое войско к Истру.

А каган Куря остался зимовать в предгорных степях Алании, чтобы при необходимости помочь князю Урдури утихомирить бунтовавших ханов в горах. К следующей зиме он собирался вернуться в Лукоморье на левобережье Днепра или на свои кочевья в Таврии, возле Новгорода<sup>36</sup>. Вот в общих чертах и весь рассказ, – закончил свое повествование Свенельд.

Калокир и Икмор переглянулись. Потом викинг загоготал:

– Молот Тора! И меда отведал, и пчел приручил. Ха-ха-ха. А может, и в Константинополе есть царевна на выданье? Ха-ха-ха. Я бы не прочь обзавестись царственной женошкой и стать базилевсом.

– Сколько ты привел с собою конников? – спросил Святослав, пряча улыбку в усах.

– Число конников – тьма: пять сотен охочих из казачьего народа и полторы тысячи донских аланов ведет атаман Сивый Конь, тысячу волжских бияров, которые со мной со времен осады Самандара, ведет хан Хесен, тысячу зихов – князь Ирник. Остальные – болгарцы черные под командой хана Тонузоба.

Причем большинство болгарцев решили навсегда покинуть Тмутаракань и разместиться здесь, на мировой реке, среди своих зареченских сородичей. Поэтому за конниками следуют их

---

<sup>35</sup> Маныч (Западный Маныч) – река в Калмыкии, Ставропольском крае и Ростовской области, левый приток Дона. Географическая граница между Европой и Азией проходит по руслу реки.

<sup>36</sup> Неаполь Скифский (греч. Νεάπολις – новый город), рус. Новгород Таврический – древний город, одна из скифских царских крепостей в Крыму, столица позднескифского государства (III век до н. э. – III век н. э.).

повозки с семьями. Сейчас они движутся к Доростолу. Там же их конные мужи переправятся на правый берег.

Казачи и аланы с Дона – христиане. Биляры – тенгриане. Остальные – стараниями малеха – по большей части мусульмане, – обстоятельно доложил воевода.

– Если ты можешь заставить служить тебе вассалов Атиля, то сможешь потребовать воинов и от правителей местных маджар: Великого князя Такшона из Венгрии и Дьюлы, верховного главнокомандующего – правителя Трансильвании, – сразу же смекнул Калокир. – И от Дьюлы даже предпочтительнее всего, так как вся земля левобережья за Доростолом принадлежит его князьям и ханам. Стоит им перейти реку, и мы окажемся между молотом и наковальней.

– Такшонь был готов мне помочь и раньше, после нашей встречи, – уточнил Святослав. – Но вот Дьюла – это совсем другое дело. У печенегов с ним общая граница, на которой идут постоянные стычки. И в прошлом году, воюя в Болгарии, мы его неплохо потрепали. С другой стороны, войск у него больше, чем у кого бы то ни было в этой стороне. Именно по этой же причине Великий князь Такшонь недавно женил своего сына Гезу на его дочери: чтобы заручиться поддержкой всесильного Дьюлы.

– И на комита Шишмана<sup>37</sup> из Средеца<sup>38</sup> тоже надо воздействовать, – тут же добавил Икмор, став серьезным. – Я слышал, что он повязан с малехом брачными узами. Мои лазутчики доложили, что оттуда к Филиппополю собираются выслать войско. Если мы пойдем по реке вниз, западные болгары могут ударить нам в спину.

– Это правда, – поддержал его Святослав. – И нам надо правильно воспользоваться появившимися возможностями. – Святослав что-то обдумал и сказал: – Все вышеназванные государи – должники иудейского царя Атиля и его ростовщиков. Так или иначе, но малех набросил на них свою «золотую» узду. И они должны будут отрабатывать свой долг.

Святослав хлопнул Свенельда по плечу:

– Воевода, пусть твоя походная женушка напишет им всем письма. Потом немедленно отправляй их с посыльными к Шишману, Такшону и Дьюле. Икмор поможет тебе с их доставкой. Если дело выгорит, пусть отправляют войска к нам тотчас, – рубанул рукой Святослав. – Давайте, други, действуйте. – Князь дал понять, что совет завершен. – А я тут с патриkiem Калокиром пока помозгую, как нам уговорить царя Бориса примкнуть к нам и как достойно ответить ромейским послам.

\* \* \*

Через несколько дней по настоянию Цимисхия был собран поместный собор в Константинополе. Кандидатом на антиохийскую кафедру поместным епископом был представлен монах Феодор<sup>39</sup> из Колонии. Его привел на собор сам базилевс. Монах приходился земляком монарху, и с его подачи Цимисхий занялся благотворительностью. Они вместе обустраивали больницу для страдавших священной болезнью.

Синод заседал несколько дней. Архиепископ Полиевкт вместе с бывшими в городе епископами испытывал знания этого мужа. Было выяснено, что монах с детства вел отшельническую, лишенную треволнений жизнь и тяжкими трудами укрощал свою плоть. Железные

---

<sup>37</sup> Николай Шишман – болгарский вельможа, женатый на знатной женщине из Атиля, комит (болг. комитопул) провинции Средец (совр. София). С 965(8) по 970 год – правитель Западно-Болгарского царства. Сыновья: Давид, Моисей, Аарон и Самуил.

<sup>38</sup> Средец (лат. *Serdica*) – древний город во Фракии. Античный и средневековый укрепленный город в центре города Софии, столицы Болгарии.

<sup>39</sup> Феодор II (умер 28 июля 976 года) – патриарх Антиохийский с 23 января 970 года по 28 июля 976 года.

вериги, которыми он истязал свое тело, покрывал он власяным рубищем и до тех пор не снимал его, пока оно совершенно не истлевало и не обращалось в прах.

Во всех отношениях он был подходящей кандидатурой для борьбы с еретическим учением гностиков Антиохии, отрицавших проявление божественной любви и сострадания к ближним.

И вот наконец, найдя, что монах Феодор не слишком силен в светской учености, но зато чрезвычайно опытен в священной нашей премудрости, Вселенский патриарх Святой папа Полиевкт помазал его патриархом Антиохии. Церковь Востока снова обрела своего иерарха.

По прибытии в Антиохию патриарх первым делом посетил монастырь Арсения, в котором было погребено тело Христофора I, убитого мусульманами 22 мая 967 года. По распоряжению отца Феодора тело святого патриарха Христофора перенесли в монастырь Святого Касьяна.

\* \* \*

Вечером того же дня паракимомен Василий зашел к базилевсу, чтобы пожелать тому спокойной ночи. Он застал Цимисхия бегавшим по спальне и крушившим подворачивавшиеся предметы обихода. Палатины стояли за закрытыми дверьми, не решаясь войти, чтобы не попасть под горячую руку государя.

Василий не спеша прошел к спальному столику и медленно стал лить в чашу воду из кувшина. Звук лившейся воды подействовал на Цимисхия умиротворяюще. Он подошел и залпом осушил чашу.

– Нет, но каков наглец, его святейшество, – стал жаловаться Цимисхий. – Сразу же воспользовался тем, что я уже отменил «томос» Никифора. И теперь за то, чтобы назначить отца Феодора на антиохийский престол, он вынудил меня дать обещание, что я отменю и новеллу Никифора о монастырях.

– Новелла XIX, которая запрещает давать завещания на земли в пользу монастырей и церкви и распространяется на всех граждан империи, – уточнил Василий. – Недурно. Этак монастырские земли скоро опять станут больше государственных. И где после этого брать ополченцев на войну? Я уже не говорю о перенаправлении финансовых потоков от земельных налогов из государственной казны в церковную.

– И это еще не предел его наглости и жадности, – продолжал возмущаться Цимисхий. – Ведь я сказал ему о том, что хочу взять в жены Феофано.

– И... – Василий аж подался вперед от нетерпения. Цимисхий косо взглянул на него:

– Пока никак. Сначала даже слушать не захотел, но потом дал понять, что только полное разделение светской и церковной власти может заставить его пересмотреть свое отношение к этому браку.

– Позволь, государь, я поговорю с ним. Может, мне повезет больше, если я обосную неправомомерность и даже опасность его притязаний для государства в целом. Заодно попытаюсь уговорить его благословить твой брак с одной из моих царственных племянниц.

– Василий! Я сказал «нет». Мне нужна Анастасия. Она родит мне наследника. А какой мне прок от монашки?

– Ты совершенно напрасно упираешься, Иоанн. Этот брак будет простой фикцией, но даст тебе законное право быть Владыкой вселенной. И, как ты правильно заметил, при этом сможешь иметь, кого захочешь. Хочешь Анастасию? Пожалуйста. Можешь даже снова поселить ее на женской половине дворца в качестве уважаемой матери-императрицы.

Цимисхий нервно расхаживал по комнате, сжав губы и ничего не ответив.

– Позволь все же мне заняться переговорами с отцом Полиевктом, государь. Обещаю: он не устоит против моих аргументов. А ты пока, может быть, решишь, что ответить на требования Святослава?

– И чего хочет этот любимец Никифора? – остановился, с любопытством уставившись на паракимомена, Цимисхий.

– Послы напомнили царю Святославу, что патрикий Калокир – гражданин Византии и, согласно всем предыдущим договорам с русами, подлежит суду базилевса. Но Калокир тотчас сменил гражданство, став болгарским дьюлой. А объединенное войско тавров Калокира и скифов Святослава захватило земли Добруджи и Нижней Мёзии<sup>40</sup>. И еще царь Святослав ответил ромейским послам надменно и дерзко: «Я уйду из этой богатой страны не раньше, чем получу большую денежную дань и выкуп за все захваченные мною в ходе войны города и за всех пленных. Если же ромеи не захотят заплатить то, что я требую, пусть они тотчас же покинут Европу, на которую не имеют права, и убираются в Азию, а иначе пусть и не надеются на заключение мира с тавроскифами».

– Видимо, царь русов очень гордится своими победами над болгарями?

– Есть с чего. Болгары, или – правильнее – волгари, – изначально жители заливных равнин по берегам реки Волга. Это один из боевых скифских народов, родственник гуннам. Сначала они создали так называемое Болгарское ханство на Северном Кавказе, потеснив аланские народы. Потом часть из них переместилась в Мёзию и Добруджу. Как это часто бывает, всадники стали брать в жены дочерей местных господ и так вскоре возглавили местные племена мисян. Новому государству новые властители дали свое племенное имя – Болгария, с дополнением Дунайская, хотя в Византии его называют по старинке – Мёзия. Дунайские болгары наносили большой ущерб ромеям и уводили людей в рабство. А когда ромеи выступали против них, они скрывались в лесных и горных засадах и побеждали их в неудобных для сражения местах. История не сохранила упоминаний о ком-либо из ромейских базилевсов, победившем дунайских болгар.

Русы же применяют тактику викингов. Они перемещаются и нападают с воды. И в этом их преимущество. Им не надо дорог. На воде не устроить засады. А все крупные города и села расположены у воды. Царь Святослав уже прочно овладел их страной и теперь весь проникся варварской наглостью и спесью.

Цимисхий, сев на царское ложе, внимательно выслушал паракимомена.

– Значит, говоришь, что никто из ромейских базилевсов не смог победить дунайских болгар? – переспросил Цимисхий задумчиво. Для него это был вызов, и в глубине его глаз зажглись огоньки. – Как вообще тавроскифам так быстро удалось овладеть Болгарией?

– О, я много раз слышал теорию Багрянородного, что все примитивные племена делятся на два сословия: земледельцев и скотоводов. И в этих двух сословиях скотоводы занимают главенствующее положение. Скотоводы дерутся меж собой за первенство и власть, а земледельцы – только за пахотные земли у воды. Скотоводы сменяют друг друга, а земледельцы достаются победителю. Так и случилось, когда кавказские болгары пришли в Мёзию. Они сменили кельто-аварское сословье скотоводов и таким образом скоро завладели всеми мисянами и всей их страной. Ведь земледельцам-реатам все равно, кто у власти, лишь бы не трогали их пашни.

– А если у реатов отобрать землю?

– Случится бунт, яростный и жестокий, сметающий любую власть. Ведь земледельцев гораздо больше, чем скотоводов.

---

<sup>40</sup> Мёзия (болг. Мизия) – историческая область между Нижним Дунаем и Балканскими горами, населенная фракийскими племенами (мёзы, бессы и др.). В настоящее время территория Мёзии принадлежит в основном Болгарии, некоторые ее части – Сербии, Румынии и Украине.

– Тебе лучше знать. Ведь твоя мать – болгарка? – подковырнул паракимомена Цимисхий. – Из твоих слов, Василий, можно сделать вывод: чтобы завладеть Мёзией, надо просто сменить главенствующую верхушку, убрать болгарских скотоводов, но не трогать земледельцев. Именно так Калокир со Сфендославом овладели Болгарией. Они пленили царя Бориса, и Калокир стал его главнокомандующим, – сделал вывод и довольно хмыкнул Цимисхий. – А на что это Сфендослав намекает, когда говорит, что Европа не принадлежит нам?

– По всей видимости, так он оправдывает свой захват Болгарии. Намекает, что она территориально расположена в Добрудже, известной как Малая Скифия, которая является частью всей Скифии, – пожал плечами Василий. – Или это воспоминания о тех временах, когда русы, разгромив готов, заняли практически весь Балканский полуостров. Царей Великой Моравии они считают своими западными родственниками, а франков – моравскими изгоями.

– Удалось выяснить количество его войск?

– Послам для получения дани он назвал тьму, что, согласно славянским число-буквенным значениям, означает десять тысяч. Количество явно завышено. Зная варваров, могу предположить цифру в два раза меньшую.

На этом разговор первых людей Византия закончился. Умиротворенный Цимисхий лег спать.

\* \* \*

Отец Полиевкт прожил лишь несколько дней после рукоположения Феодора. Владыка, управлявший патриархией около тринадцати лет, внезапно переселился в царство блаженного покоя. Смерть патриарха поразила город. Он ушел из жизни, оставив церкви как памятник, образ добродетели, божественной к человеческой мудрости, и знаний, к которым он был весьма привержен.

Базилевс Иоанн был очень озабочен этим событием. Он долго о чем-то говорил наедине с паракимоменом Василием. Палатины, стоявшие за дверью, слышали лишь то, как речь Цимисхия порой срывалась на крик. Василий вышел из палаты весьма бледный. А базилевс Иоанн тотчас отправился на конюшни и провел полдня на ипподроме, загоняя коней на скачках.

То, что произошло, осталось в прошлом. Время поджимало. Вселенская церковь не могла долго оставаться без пастыря.

На следующий день после времени, положенного на траур, Цимисхий созвал во дворец епископов и синклит и обратился к ним с речью:

«Я признаю лишь одну наивысшую и главенствующую силу, которая вызвала из небытия к бытию все благолепие видимого и невидимого мира. Это сила Бога. Но мне известны и две власти в сей жизни, в насущном земном пространстве: священство и царство. Одной из них Создатель поручил заботиться о душах, а другой – управлять телами людей, с тем, чтобы ни одна из сторон не пострадала и оставались они целыми и невредимыми. И теперь, когда глава церкви отдал долг природе, надлежит всевидящему оку, которое распознает дела человеческие еще до того, как они задуманы, определить для священной должности среди всех людей наиболее достойного мужа. И вот Богом данной мне властью я возвожу на церковный престол человека, издавна мною испытанного и прославленного всяческими добродетелями. Ему Бог даровал способность предвидеть будущее: именно этот монах предсказал Никифору императорскую власть. Его божественное пророчество предрекло мне многое из будущего, которое и свершилось в свое время. Так пусть не проводит сей человек свою жизнь в тени».

Произнеся эти слова, Цимисхий вывел на середину отшельника Василия<sup>41</sup>, который с детства избрал монашеский образ жизни и беспрестанно выказывал подвиги тяжкого труда

---

<sup>41</sup> Патриарх Василий I Скамандрин – патриарх Константинопольский с 13 февраля 970 года по 974 год или март 973 года.

своего на вершинах Олимпа. Старец был прекрасной кандидатурой на место владыки. Отшельник всю жизнь провел в уединении, где избегал соблазнов и мирской суеты.

В Византии церковь находилась в зависимости от государства. И выбор патриарха, в частности, фактически определялся базилевсом. Тем не менее Цимисхий счел нужным сослаться на положение Эпанагоги, византийского свода законов, о равноправии светской и духовной власти.

На следующий день монах Василий принял помазание на первосвященство и был провозглашен Вселенским патриархом. Как раз в тот день в Византии праздновали то воскресенье, когда святые отцы укрепили православную веру в почитании божественных икон.

Новый архиепископ Константинополя практически отстранился от руководства церковью, переложив эти обязанности на митрополитов и поместный синод. Стараясь избегать политических споров, он послушно исполнял все повеления базилевса.

## Глава вторая

Преслав – столица Болгарии времен кагана Симеона Великого<sup>42</sup> – был красивый и шумный город. Он стоял в начале дороги, ведущей на юг, к границам Византии. Определение «Великий» снова появилось у этого Преслава, после того как Мегаполис в устье Истра был уступлен Великому князю Святославу. И бывший Великий Преслав теперь стал называться Малым Преславом.

Совсем недалеко от Великого Преслава находилась и первая столица болгар времен хана Аспаруха<sup>43</sup>, а ныне духовный центр и местопребывание патриарха болгар – Плиска<sup>44</sup>.

Болгарский царь Борис с семьей и его брат Роман расположились во дворце Симеона Великого. В крепости этого города сделал свою ставку и главнокомандующий всех болгар Калокир.

В тот день в столице встречали дорогих гостей. Отправленные к соседним правителям посланцы вернулись не с пустыми руками. С собою они привели тьму маджарских конников, так не хватавшую объединенному войску союзников. Третью войска вел Иелах, воевода Великого венгерского князя. Остальные две трети возглавлял князь Зубор, которого назначил дьюла. Правда, комит Шишман не прислал ни единого воина, сославшись на свой договор с Оттоном. Зато клятвенно заверил, что будет соблюдать нейтралитет при любом повороте событий.

Напряженная обстановка была в военно-полевом лагере у Преслава. Волжские бияры недружелюбно косились на «диких» зихов. Атаманы казаков настороженно смотрели в сторону маджарских предводителей. Прошло чуть больше года с тех пор, как ханы кангар вместе со степными аланами пришли к берегам Истра в первом походе Великого князя Святослава. И тут печенежские конники очень успешно «крошили в капусту» маджар Трансильвании на левобережье Данубия. Потому и маджары смотрели исподлобья на казаков. Еще не зажили душевные и телесные раны, приобретенные ими в тех боях.

А болгары черные неприязненно смотрели и на тех, и на других. А как же? С казаками они еще совсем недавно соперничали в Тмутаракани не на жизнь, а на смерть. А маджары вообще были в большинстве своем язычниками, с которыми добрым мусульманам вообще не о чем было говорить.

Не на это они рассчитывали, когда шли на берега Данубия вместе со своими семьями. В задунайской Болгарии они рассчитывали найти приют среди своих родичей, откочевавших сюда еще во времена хана Аспаруха.

Но болгары-христиане не торопились приветствовать своих мусульманских сородичей. И теперь их повозки стояли, сгрудившись на широком поле по левому берегу реки, на земле Трансильвании, на виду у русского гарнизона Доростола. Повозки были крыты шелковыми тентами. Тепло внутри повозок поддерживали при помощи переносных жаровен. Практически это были дома на колесах, пользовавшиеся большой популярностью у кочевых народов. В них было уютно женам с детьми. Но вокруг полевого города была неведомая чужая земля, где их никто не ждал. А конные мужи, переправившись на правый берег, вместо радушия своих сородичей должны были терпеть соседство недавних врагов.

---

<sup>42</sup> Симеон I Великий (864–927 годы) – князь Болгарии с 893 года, с 918 года – царь. Третий сын князя Бориса I, отец Петра I.

<sup>43</sup> Аспарух (ок. 640–700 годы) – третий сын хана Кавказской Болгарии Кубрата. Основатель первого болгарского государства на Дунае.

<sup>44</sup> Плиска – город в Шуменской области Болгарии, в составе общины Каспичан.

\* \* \*

Первым делом прибывшие воеводы отправились выразить заверения в дружбе своих государей и свою преданность государыне Лие – царице Атиля. Для этой цели царь Борис выделил ей большую палату на женской половине своего дворца.

Затем воеводы были приняты царем Болгарии Борисом. По завершении приема в их честь был дан роскошный пир в самой большой палате дворца царей. Дьюла Калокир встречал прибывавших военачальников.

Натянутые нервы гостей ощущались и за пиршественными столами. Кроме болгарских бояр тут сидели и конунги, и князья, и ханы, и атаманы. Вместе собрались предводители христиан – болгар и казаков, мусульман – черных болгар и бияров, а также вожди викингов, мадьяр и зихов, которые в большинстве своем предпочитали идти дорогою старых богов.

Калокир хорошо понимал эту взаимную неприязнь своих союзников. По правую руку от него сидели князь Святослав, конунг Икмор, хан Тонузоб и воевода Волк. По левую руку расположились царь Борис, воевода Свенельд, князья Зубор и Иелах, хан Хесен, князь Ирник и атаман Сивый Конь.

Он распорядился, чтобы за столом никто не чувствовал себя ущемленным. Из уважения к последователям пророка Мухаммеда за столом было много рыбы, дичи и баранины, но совсем отсутствовала свинина. Да и вместо вина болгарским боярам, как мусульманам, так и христианам, подавали кисломолочный кумыс, традиционно изготавливаемый из кобыльего молока путем его сбраживания.

Когда были сказаны первые здравицы в честь болгарского царя и его главнокомандующего, присутствовавшие немного расслабились, отведав горячительные напитки. В это время Калокир поднял руку, призывая к вниманию, и начал говорить:

– Князья и вожди! От имени царя Болгарии Бориса приветствую вас за этим столом!

– Царю Болгарии слава! – зазвучали ответные выкрики. Калокир выждал, когда уляжется шум, и продолжил речь:

– Все мы разные. Говорим на разных языках и верим в разных богов. Но сегодня нас здесь собралась одна цель. Один общий враг. И это – узурпатор, новый базилевс Византии.

Он незаконно захватил престол и уничтожает всех, недовольных этим бесправием. В том числе и в Болгарии. Против него уже восстали провинции Азии. Пора и нам в Европе сказать свое слово.

– Долой узурпатора! – пронеслось за столами.

– Болгария верна договору, заключенному с Македонской династией ромеев. Как верные союзники мы объявим войну узурпатору и завтра же выступим в поход, – продолжал Калокир. – Очень скоро мы разобьем свои шатры у ворот Византии и возведем вокруг города крепкие заслоны. А если базилевс выйдет к нам, мы храбро встретим его и покажем ему на деле, что мы не какие-нибудь ремесленники, а воины, которые оружием побеждают врага.

– Слава царю Борису! Слава главнокомандующему Калокиру! – подняли кубки все, присутствовавшие на пиру.

– Я как доверенное лицо царя Бориса и его главнокомандующий поведу войско прямо к Длинным стенам. Храбрецы, вы со мной?

– Мы с тобой! Мы с тобой! – Каждый из вождей поднял свой кубок, выразив солидарность с Калокиром.

– В этой войне нас поддерживает Русь, и варяжская, и степная, – продолжал Калокир. – Великий князь Святослав – мой ближайший друг и союзник. Он возглавит войско обходного маневра. Слава Великому князю Святославу! – поднял кубок Калокир.

– Слава Святославу! – подхватили присутствующие.

Когда приветственные крики смолкли, князь Святослав встал во весь рост:

– Зря базилевс по неразумию своему принимает нас за изнеженных баб и тщится запугать угрозами, как грудных младенцев, которых устрашают всякими пугалами.

По обычаю наших предков я послал базилевсу предупреждение: «Хочу на вы идти и взять град ваш». Пусть не спешит к нам. Пусть не изнуряет свои силы на путешествие в сию страну. Мы сами к нему придем. Слава нашим героям! – провозгласил Святослав.

– Слава! Слава! Слава! – трижды проскандировали вожди.

– Скоро мы все отправимся в поход. А сегодня будем веселиться! – объявил Калокир, и виночерпии бросились наполнять кубки. В дальнем углу тут же заиграли музыканты. Вбежали скоморохи, потешавшие публику. Между столами засновали женщины – жрицы любви.

\* \* \*

Получив ультиматум Святослава о начале войны, Цимисхий стал незамедлительно и со всем усердием готовиться к схватке. И в то же время зловещие слухи поползли по Константинополю, вызывая панику у горожан: «Страшные русские верхом на белых медведях к городу идут». Цены на зерно и иные продукты питания сразу же поползли вверх. Многие купцы стали закрывать свои лавки. Торговые корабли спешили покинуть бухту Золотой Рог.

Незамедлительно был созван синклит на внеочередное собрание. В этот раз сенаторы проявили небывалое единодушие. На первом же заседании было принято решение о проведении полной мобилизации в феме Македония. Было также предписано «посылать по бивуакам и занятым врагами областям переодетых в скифское платье людей, владевших и русским, и готским языками, чтобы они узнавали о намерениях неприятеля и сообщали о них базилевсу».

Благодаря этому распоряжению то, что было озвучено на пиру, было очень своевременно передано в Константинополь. Цимисхий тут же распорядился всю полноту власти на местах разделить между двумя стратигами: стратопедархом Петром и магистром Вардой. Они получили повеление провести у Адрианополя и Аркадиополя<sup>45</sup> остаток зимы, упражняя воинов и объезжая страну, чтобы «она не потерпела никакого вреда от скифских набегов». Им в поддержку направлялась гвардейская конница катафрактов.

\* \* \*

Пополнив запасы продовольствия, войско союзников, поделенное на две части, выдвинулось в сторону Константинополя.

Правое крыло возглавлял Святослав. В его войске были викинги Икмора, конники хана Тонузоба и воеводы Волка. Он и Икмор выдвинулись разными путями к единой цели. Ладьи викингов спускались по реке Марице от Филиппополя в сторону Адрианополя, столицы фемы Македония. Река подходила к городу с запада, оставляя позади восточные отроги Родопских гор. Возле города русло реки поворачивало на юг, и так текла она до самого своего впадения в Эгейское море. Туда же, к Адрианополю, но по равнине с севера, вел конное войско кавказских болгар и тысячу своих дружинников сам Святослав.

Левое, основное, крыло возглавлял главнокомандующий Болгарии Калокир. В его войске оказались воевода Свенельд и мажарские князья. Он вел войско тоже на юг, но забирая левее, и должен был выйти восточнее Адрианополя, к городу Аркадиополю, который располагался уже непосредственно у Длинных стен Анастасия. Эта крепостная стена протянулась от моря

---

<sup>45</sup> Современный Люлебургаз в Турции.

Чёрного до моря Эгейского. Она перегораживала перешеек, на котором располагался Царский город, и огораживала выход к его внутреннему морю – Мраморному.

Свенельд возглавлял объединенное войско аланское – наиболее боеспособный отряд, следовавший в авангарде войска, западнее от основной дороги. За ними и восточнее от дороги шла конная колонна мадьяр. В арьергарде за конниками по дороге шагали грейтунги Таврии и дружинники болгарской гвардии. Тут же находился и верховный главнокомандующий, дьюла – патрикий Калокир.

\* \* \*

В приемном зале дворца эпарха Адрианополя было как никогда оживленно и даже немного тесно. Градоначальник собрал здесь представителей цеховых объединений и весь цвет аристократии провинциальной столицы. Но председательствовал на собрании отнюдь не эпарх. Стратопедарх Пётр сидел на председательском месте и принимал доклады о количестве мобилизованных стратиотов. Они прибывали со всех окрестных деревень. Их собирали в полевом лагере за городскими стенами. Кроме того, спешно подсчитывали запасы продовольствия и готовили крепостные стены к осаде. На них собирали камни в пирамиды. Наливали воду в котлы и заготовливали дрова для ее разогрева.

Внезапно дверь широко распахнулась. В зал, бряцая оружием, скорым шагом вошел магистр Склир. Его сопровождали закованные в латы телохранители и адъютанты. Дорожная пыль покрывала их плащи. Стражники и палатины, пытавшиеся преградить столь бесцеремонное вторжение, были отброшены в стороны.

Варда, подойдя к противоположному концу стола, во главе которого сидел патрикий Пётр, остановился. Наступила тишина. Местные аристократы, сидевшие за столом и толпившиеся вокруг, в ожидании уставились на вошедшего магистра.

– Приветствую тебя, Пётр. – Варда поднял руку в приветствии. – Заседаете? Это правильно. – И, не дожидаясь ответа, магистр стал излагать: – По донесениям моих лазутчиков, скифская конница начала движение. Она идет по дороге на юг, к Длинным стенам. Я встречу ее возле Аркадиополя.

– Мобилизация еще не завершена, но я могу направить часть стратиотов тебе на усиление, – заявил спокойно Пётр.

– Благодарю. Не стоит. Местных ополченцев хватает и в Аркадиополе, – презрительно скривил губы Варда. – Я оставлю себе курсантов, рыцарей-катафрактосов и императорских гвардейцев. И буду приветствовать у себя всех, кто умеет держаться на лошади.

– Зачем же ты сюда приехал? – удивился Пётр.

– Базилевс Иоанн при нашей последней встрече сказал мне: «Со скифами деритесь поскифски». Я приехал, чтобы передать тебе его слова и предупредить. Основное конное войско встречу я. Но те, кто идет по воде, придут сюда. И тогда да поможет вам Бог! А теперь прощайте. Нужно торопиться. – Варда снова вскинул руку в приветствии, развернулся и таким же скорым шагом покинул дворец эпарха.

\* \* \*

Зима сдавала свои позиции. В воздухе запахло весной. Долина перед Аркадиополем была покрыта пожухлой прошлогодней травой. Ее перемешивали с грязью и удобряли навозом сотни и тысячи конных табунов. Тут в ожидании неприятеля расположился лагерь магистра Склира.

Поздно ночью его осторожно разбудил один из караульных стражников. С севера прибыл лазутчик, и у него было срочное сообщение. Пока Варда тер глаза, разгоняя сон, в палатку

скользнул разведчик. Он замер справа от входа, ожидая разрешения говорить. Это был степной обычай, отличавшийся от более демократичных правил поведения, принятых у ромеев.

– А, это ты, Алакс, – узнал вошедшего лазутчика Варда. – Что горит? Нельзя было подождать до утра?

– Я скакал полночи по распутице не для того, чтобы ждать до утра, – огрызнулся Алакс.

– Да ладно, не обижайся. Это я ворчу со сна, – примирительно сказал Варда. – Что случилось?

– Передовые отряды аланов расположились лагерем в одном конном переходе от нашего лагеря.

Сон с Варды как рукой сняло. Он сначала вскочил, потом взял себя в руки и сел.

– Ты полегче со своими докладами, – проворчал он. – Сколько у меня есть времени?

– Не больше половины суток.

– Сколько их?

– Не более четырех тысяч.

– Всего-то?!

– Это смешанный отряд аланов: донских, зихов и казаков, – объяснил Алакс. – Недооценивать их нельзя. Они профессионалы. И каждый из них стоит десяти обычных всадников.

– Аланы? – наморщил лоб Варда. – Пачинакиты что ли? Под какими штандартами?

– Серые волки на белом поле, белые олени и барсы – на синем, – кратко ответил Алакс.

– Ну да, крепкие вояки, – согласился Варда. – А кроме них никого нет?

– За ними следует маджарская конная тьма, а за той – около четырех схол готской пехоты. Варда подпер голову рукой и задумался.

– Пошлите за моим братом Константином! – отдал распоряжение стражнику Варда.

– Ты, Алакс, тоже из аланов. И ты видел их лагерь. Не тянет обратно, к своим землякам? Будешь сражаться против них?

– Да, я родился в Зихии, но, когда хан Буриберди устроил гонения на христиан, я покинул родные края. Византия приняла меня, а базилевс Никифор дал мне землю в Киликии и сделал катафрактарием. Теперь я ромей! – закончил гордо Алакс.

– Но с аланским боевым опытом, – продолжил Варда. – А раз так, то скажи мне, Алакс, что ты думаешь по поводу завтрашней схватки.

В палатку вошел заспанный Константин и сел возле брата. Он не стал задавать лишние вопросы.

– Наибольшую опасность представляет передовой аланский отряд, – стал рассуждать Алакс. – Прямой рыцарский удар катафрактариев они пропустят мимо, рассыпавшись в стороны, а затем нападут со спины.

– А если перед ними поставить тагму «бессмертных»? – предложил Константин. – Столичные курсанты смогут выдержать и знаменитую скифскую «лаву».

– Может, и выдержат, – согласился Алакс. – Но никто не будет атаковать в лоб. «Лавы» обойдет флангу с флангов и будет забрасывать ее стрелами до тех пор, пока там все не смешается в панике.

– На флангах их будет ждать конница схоляриев и катафрактариев, – снова предложил Константин. – И, когда пачинакиты достигнут фланги, наша конница с двух сторон нанесет фланговый удар и замкнет пачинакитов в кольцо.

– План хорош и мог бы сработать, – снова согласился Алакс. – Но только до тех пор, пока не подойдут основные силы маджар и болгар. Кто тогда сможет противостоять им?

– А как бы скифы поступили в подобном положении? – спросил Варда.

– Для начала они попытались бы оторвать передовой отряд от основных сил и заманили бы его в ловушку, – ответил Алакс. – А потом внезапным ударом с неожиданной стороны атаковали бы основные силы.

– Умно и хитро, – одобрил Варда. – Как сказал мне Цимисхий: «Бей скифов по-скифски». Так и поступим. И будем думать, как это сделать.

Около часа братья Склиры и Алакс ломали головы, пытаясь скроить план битвы с превосходящими силами противника. Снаружи уже начало сереть и землю накрыл туман, когда план сражения был единодушно принят.

– Итак, подведем итог, – сказал магистр. – Тебя, Иоанн Алакс, я назначаю лонгином. Тебе дается тысяча верховых из пограничных жителей. Они, конечно, хуже вооружены, но это даже лучше для выполнения твоей миссии. Лошади не так быстро выдохнутся, – уточнил Варда. – Ты должен будешь завязать бой с передовым отрядом пачинакитов, потом отступить и не позже полудня привести их сюда, где их встретит фаланга «бессмертных».

За это время городской комит с двумя тысячами ополченцев займет позиции в лесополосе впереди и слева от фаланги. Ты, Константин, возглавишь тысячу киликийских катафрактариев и займешь позиции справа от фаланги. Как только пачинакиты втянутся в сражение с фалангой, дашь команду букинаторам трубить сигнал к атаке. По этой команде македонские ополченцы выдвинутся в тыл пачинакитам, а ты сам поведешь киликийских рыцарей им навстречу, замыкая кольцо.

Я сам возглавлю гвардейский корпус из шести конных схол. В то время, когда вы окружите передовой отряд, я двумя клиньями схолариев атакую мадыарскую колонну от побережья с востока. Тактика вил помешает мадыарам рассыпаться в стороны, и я проткну их вилами как запеченную куропатку.

Я ничего не упустил?

– Прими мой совет, – добавил Алакс. – Разбив мадыар, не ввязывайся в бой с готской фалангой. Они стоят крепко, не хуже «бессмертных». С ними сочтемся, когда они окажутся одни, без поддержки конницы.

– Хорошо, Алакс. С ними сочтемся позже, – согласился Варда. – Ну что же, если больше вопросов нет, займемся делом.

\* \* \*

В то роковое утро воеводы Свенельда не было в лагере передового отряда. Главкомандующий Калакир вызвал его к себе на совет. В его отсутствие командование объединенным отрядом было возложено на князя Ирника. Он знал свое дело, и враг не застал аланский лагерь врасплох. Конные разъезды вовремя заметили противника и доставили сообщения князю. Много ли времени надо кавалеристу в походе, чтобы быть готовым к бою?

По центру, конечно же, выступила конница зихов князя Ирника. По обе стороны от него расположились аланы атамана Сивого Коня. Биляры хана Хесена шли в замыкании.

Зихи первыми соприкоснулись с противником. Но Алакс не намерен был устраивать сшибку и рубку. Выпустив тучу стрел, его всадники по сигналу трубы разом сменили направление и пустились вскачь вдоль строя. С правого фланга им навстречу выдвинулась конница казаков в рассыпном строю. Тогда конники Алакса развернулись на сто восемьдесят градусов и помчались вдоль строя зихов в обратном направлении.

Князь Ирник не спешил атаковать противника, ожидая полного охвата его с флангов. И вот уже с левого фланга в рассыпном строю пошли в атаку аланские конники с Дона. Но и Алакс не стал больше искушать судьбу. По его приказу букинатор протрубил отступление.

С высоты птичьего полета наступавшая конница напоминала месяц, устремленный «рогами» вперед. Такой строй назывался вогнутой «лавой». В его центре создавалось силовое поле, заставлявшее траву склоняться до земли, а людей – терять рассудок от ужаса. И, чтобы не попасть в этот центр несшейся «лавы» впереди и опережая ее, неслись во весь опор ромейские всадники.

Уже кони покрылись пеной и стали задыхаться. Уже неминуема кровавая развязка. И тут вдруг перед атаковавшей печенежской конницей внезапно выросла стена из заостренных кольев, а за ними – стена щитов и лес торчавших копий. Ромейские всадники по открытым дорожкам пронеслись сквозь фалангу в ее тыл. А за их спинами легионеры сразу же сомкнули ряды.

Несшаяся во весь опор «лава» по трубному сигналу из ее центра едва успела сменить направление, направив бег коней влево от укрепления. Менее обученные конники так и остались бы лежать горами трупов на этих кольях. И даже у таких профессионалов, как аланы, несколько десятков всадников так и не смогли избежать бесславного конца.

Еще можно было исправить положение, отойти, перегруппироваться и снова атаковать.

Но в это же время над полем раздался трубный звук, многократно подхваченный и призывавший к бою. Слева от фаланги из лесов и оврагов вышли скрытые до поры легионеры. Бегом в рассыпном строю они напали на противника с тыла.

А с правого фланга фаланги им навстречу погнали лошадей вскачь закованные в кольчужные доспехи катафрактарии. Они мчались на свежих конях, покрытых чешуйчатыми латами. Направив свой «железный» удар по касательной, они разрезали строй аланов, смяв и смешав их ряды.

Уже шло сражение, и с обеих сторон гибли храбрейшие воины. Конечно, печенежский воин никогда не сдавался в плен и сражался до тех пор, пока в нем оставалась хоть одна искра жизни, даже с толпой врагов. Но разве обязательно губить их всех на этом поле?

И вот князь Ирник, будучи благородным от рождения, воззвал к чести своих противников. Ведь сражение можно закончить и поединком вождей. Он протрубил в рог вызов на поединок и направил коня в сторону предводителя катафрактов. Лонгин Константин был не менее благороден и, услышав вызов на поединок, протрубил в ответ, принимая его.

Как бы ни было скученно на поле боя, все же благородный поединок двух вождей вызывал уважение. И потому каждый услышавший трубный звук спешил убраться в сторону, освободив место для поединка.

Два поединщика неслись навстречу друг другу. Конечно, копьё Ирника было на целый метр короче копья Константина. Зато излишняя броня не сковывала его движений. И это позволило князю уклониться в сторону от четырехгранного наконечника, направленного в его грудь. Но и его копьё разлетелось в щепки, ударившись о нагрудную броню лонгина.

Миновав противника, князь поднял коня на дыбы и, заставив его развернуться на задних ногах, пустился в погоню. Настигнув Константина, князь извлек свою шашку и ударил его по шлему.

Но удар был неудачным: лезвие шашки, ударившись о твердь шлема, соскользнуло в сторону. В ответ патрикий Константин извлек свой меч и замахнулся на противника. Князь Ирник уклонился от удара, откинувшись на круп коня. Но удар меча пришелся по шее коня, и голова его отлетела в сторону. Князь рухнул вместе с обезглавленным конем на землю и был придавлен им. Этим тотчас воспользовался Константин. Он подъехал к противнику и заколол его.

Весть о смерти князя Ирника стала расходиться как круги по воде. Зихи утерjali волю к победе и перестали сражаться. Началось их поголовное истребление.

\* \* \*

– Рома! Труби атаку. Пойдем клином. Будем выбираться отсюда! – прокричал атаман Сивый Конь своему трубачу.

– Я потерял из виду Сака. Мне надо найти его!

– Если останется жив, то мы найдем его. Если мертв – похороним. Но только если сами выживем. Труби атаку!

Атаман повел свой отряд, нацелившись в промежуток между фалангой и катафрактами. Яростная атака увенчалась успехом. Поредевший отряд казаков вырвался из «мешка».

– Ну вот и все. Вырвались. – Атаман смахнул пот с лица. – Ром! Ты цел?

– Я в порядке, атаман. Но многих наших нет. И Сака я не вижу. И еще за нами увязалось много зихов.

– А Матрёна с сестрами?

– Сзади и левее... Их прикрывает сотня куренного атамана Махача.

– Хорошо. Еще не вечер! А это что за напасть? – привстал на стременах атаман, вглядываясь в облако пыли, поднимавшееся сбоку.

Откуда-то из тылов фаланги им наперерез выдвигался конный отряд Иоанна Алакса.

– Да сколько же их тут? – с досадой проворчал атаман. – По равнине нам не уйти. Кони выдохлись. Идем к лесу. Там и отбиться будет легче. Ром! Труби отступление.

\* \* \*

В тот час, когда передовой отряд союзников попал в ловушку, основные силы, ни о чем не подозревая, продолжали не спеша, отдельными колоннами продвигаться на юг. Да, конечно, вестовые доставили сообщение князю Зубору о соприкосновении с противником. Но это не сильно обеспокоило предводителя мадьяр. Он носил имя дикого быка – зубра – потому, что выходил победителем из многих передраг и знал цену воинской выучке печенегов. Князь рассчитывал, что они сами справятся с передовыми частями противника.

Как оказалось, он зря пренебрег мерами безопасности и не выстроил походные колонны в боевой порядок. Солнце только начало свой путь к горизонту, как с его стороны стал нарастать гул тысяч копыт. В колонне стали привставать на стременах, прикрывая ладонями глаза от ярких весенних лучей солнца, пытаясь что-то разглядеть вдаль. А гул все нарастал. Уже показалась вдаль накатывавшая темная масса конницы. Вот уже стали видны начищенные доспехи отдельных всадников и бело-голубые стяги.

– Ромеи! – раздался истошный крик. Его подхватили и понесли по всем колоннам. Сотники начали лихорадочно отдавать приказания, разворачивая свои подразделения навстречу врагу. Тотчас в рядах колонны возникли легкое смятение, суeta и неразбериха.

Этого времени хватило, чтобы атаковавшая волна настигла колонну. Двумя железными клешнями гвардейцы-схоларии разорвали походное построение мадьяр, и началось сражение.

Поначалу охваченные паникой и страхом мадьяры стали склоняться к бегству. Однако князь Зубор приказал трубить военный сбор и часто бить в тимпаны. Нет, не зря князя назвали именем огромного лесного быка. Он действительно превосходил прочих воинов большим ростом и блеском доспехов. Двигаясь по пространству между двумя войсками, он стал возбуждать в своих соратниках мужество. Воодушевленные его примером мадьярские всадники устремились на врага.

Успех битвы склонялся то в пользу одного, то в пользу другого войска, и непостоянство счастья переходило беспрестанно с одной стороны на другую. И тогда магистр Варда, как и князь Ирник, задумал решить исход сражения в личном поединке.

Он протрубил вызов на бой и направил бег коня к предводителю мадьяр. Князь Зубор поджидал его на месте и, как только Склир поравнялся с ним, нанес рубящий удар секирой.

Приняв удар секиры на гарду, Варда в ту же секунду привстал на стременах и обрушил удар своего двуручного меча на голову противника. Шлем не мог защитить князя, панцирь не выдержал силы разящего металла. Меч проник до пояса, и Зубор свалился на землю, разрубленный надвое.

Схоларии приободрились и огласили воздух радостными криками. Магьяры пришли в ужас от этого поразительного, сверхъестественного удара. Они завопили, сломали свой строй и обратились в бегство. До позднего вечера ромеи преследовали их и беспощадно истребляли.

\* \* \*

Известие о разгроме основного войска застало главнокомандующего Калокира на марше. И ничего не было слышно о судьбе передового отряда. По совету Свенельда главнокомандующий остановил колонну и приказал легионерам занять оборону. Оборонительные позиции грейтунгов с флангов прикрывала конница болгарских бояр.

Ближе к ночи к лагерю Калокира стали прибывать разрозненные отряды и группы всадников – все, кто выжил и избежал пленения после рокового сражения.

Всю ночь усиленные караулы вглядывались во мрак, пытаясь разглядеть в кромешной тьме наступавших легионеров, и вслушивались в тишину, надеясь услышать гул атакующей конницы. Но тщетно.

А утром привел конных воинов из передового отряда хан Хесен. Им повезло. Удар катафрактариев пришелся на его отряд вскользь. И потому его конники оказались за пределами захлопнувшегося капкана. Он отбил от преследователей и всю ночь поджидал и собирал выживших в той бесславной атаке. Хан Хесен доложил главнокомандующему о плачевной судьбе, постигшей его авангард. И еще он рассказал, что ромейские гвардейцы тоже заняли оборонительные позиции и, судя по всему, пока не собирались развивать свой наступательный успех.

\* \* \*

Не все так гладко складывалось у стратопедарха Петра. Конечно, центральный город фемы располагался в стратегически удобном месте. Он имел возможность быстро пополнять людские резервы и запасы продовольствия по реке, прямо из метрополии.

Рассказывают, что этот город заложил, остановившись в своих странствиях после убийства собственной матери Клитемнестры, сын Агамемнона Орест. Поэтому ранее он назывался Орестиадой. Впоследствии император Адриан в построенном Орестом святилище Дианы излечился от безумия. А ведя войну со скифо-сарматами, оценил и удачное расположение города. Тогда он укрепил его прочными стенами и назвал Адрианоподем.

Но всякая монета имеет две стороны. Овладевший городом также получал прямой путь в сердце империи. Конечно же, стратопедарх принял все меры предосторожности. Он укрепил обветшалые крепостные стены. За короткий срок собрал в лагерь у Адрианополя четыре тысячи гарнизонных солдат. К ним добавил десять тысяч мобилизованных стратиотов и еще четыре тысячи конных лиметанов, которые укомплектовались из жителей пограничных укреплений, называемых лимесами.

На самых дальних подступах у реки были расставлены дозорные. Днем и ночью они наблюдали за рекой, высматривая неожиданных гостей. И наконец их ожидания оправдались. В предрассветном тумане были замечены с десятков ушкуев, бесшумно скользивших по течению реки.

Полевой лагерь был поднят по тревоге. Началась обычная суэта. Седлались лошади, строились центурии. Фалангу выстроили перед городом, там, где река делает небольшой поворот. Реку перегородили связанными друг с другом рыбацкими лодками. Все было готово к «торжественной» встрече.

Прошел час, потом второй в тревожном ожидании. Викинги почему-то не спешили нападать. Уже солнце стало припекать. Уставшие стоять легионеры прямо в строю опускали щиты и копья на землю, садились, снимали шлемы. Конные тоже спешили, давая отдых лошадям.

Солнце прошло зенит и стало клониться к горизонту. А врага все не было. Голодные и озлобленные ожиданием легионеры стали ворчать. Фаланга распалась на кучки, кое-где задымилась костерки. Конные повели поить коней к реке.

И тут из-за поворота показалась сотня ушкуев, которые стремительно неслись к берегу. Один за другим они утыкались в берег, и из них посыпались люди самого зверского вида. Ладьи приставали к берегу в самой близости от расположения ромейских легионеров.

Как ни готовились македонцы к встрече врага, эта атака стала для них неожиданной. Все забегали, засуетились. Кто-то отлучился по нужде, кто-то пошел поболтать со знакомыми. Один схватил копьё, другой о него споткнулся. Этой неразберихи и хватило викингам, чтобы достигнуть строя легионеров и обрушить на них свою ярость.

Раздосадованный стратопедарх Пётр передал приказ букинаторам трубить отступление. И это было вполне логично: увести врага подальше от берега и за это время дать коннице возможность собраться и атаковать противника с фланга.

Конницей македонцев командовал прославленный в боях патрикий Иоанн Торник, сын младшего из знаменитых македонских братьев Торников, выходцев с Кавказа. Ему удалось достаточно быстро собрать и отвести конные отряды подальше от берега. Тут в чистом поле он стал выстраивать конницу в боевые порядки. И когда он был готов отдать приказ об атаке, к нему подлетел на загнанном коне вестовой. Упав с седла наземь, он сообщил о подходе скифской конницы. А вскоре послышался и мерный гул копыт: из-за холмов с гиканьем и улюлюканьем волнами выкатывала темная конная масса.

Времени, что дал патрикию вестовой своим сообщением, хватило Торнику, чтобы развернуть своих всадников, но и только. Придумать какой-то хитрый тактический прием он не успел и потому, особо не мудрствуя, переполненный македонской спесью, повел свою конницу навстречу противнику в рассыпном строю.

Вот в таких схватках и приводила степняков к победе вогнутая «лава». По центру дружина Святослава перешла на бег рысью. Правое и левое крылья кавказских болгар послали лошадей скачками в галоп. Когда конница перестроилась вогнутым месяцем, рогами вперед, вся конница перешла на аллюр иноходью.

У патрикия Иоанна не было никаких шансов выиграть это сражение в лобовом столкновении. Стратопедарх Пётр, наблюдая с высоты крепостной стены, как гибнет его конница, перемалываемая скифами, принял единственно правильное решение: укрыть все, что осталось, за крепостными стенами.

Букинаторы снова протрубили отступление. Первые шеренги фаланги, отражая натиск викингов, старались сохранять при отступлении свой строй. Это было для них жизненно важно. Зато последние шеренги еще не видели врага. Им незачем было прикрывать свои спины. А ворота были так близки. Бросив строй, побежал один стратиот, за ним – второй. Вскоре их отступление перешло в паническое бегство. Тех, кто еще пытался сопротивляться, викинги смели, как прошлогодние листья, и помчались следом.

О, эту тактику норманнов врываться в город на «плечах» отступающих стратопедарх Пётр знал очень хорошо. Он не собирался попадаться на этот крючок. Городские ворота привели в движение, и они захлопнулись, оставив чуть ли не половину всего войска на произвол судьбы. Как ни молили, ни умоляли брошенные снаружи, все было тщетно.

Наступили сумерки. Это позволило многим македонцам сохранить свою жизнь. И конные, и пешие разбежались по окрестностям, затаились в рощах и оврагах.

Враги их не преследовали. Только дурак полезет в незнакомые кусты за раненым зверем. Наступавшие союзники дураками не были. Святослав велел трубить сбор. Свой лагерь он

поставил на месте, где еще недавно стоял лагерь македонцев. Благо и палатки, и дрова, и сено, и даже кое-какой скарб были оставлены ими на месте.

\* \* \*

Смеркалось. Избегнувшие смерти и плена аланы рассредоточились в роще. Каждое дерево и кустарник стали их защитой и крепостью. Лонгин Алак тоже не был дураком, чтобы лезть на ночь глядя в эти дебри. Он велел разбить лагерь в степи перед лесом. Его замысел был прост: запечатать выход из леса, а если к утру аланы не сдадутся, то днем с силами подошедшего ополчения очистить лес от захватчиков.

Сивый Конь вглядывался в мерцавшие костры расположенного перед лесом лагеря.

Рядом с ним стояла Матрёна, возглавлявшая сестринский союз в его отряде. Одетая, как и прочие казаки, в мужское одеяние, она ничем не выделялась из общей массы воинов. Сестры владели кинжалом и мечом, но в бою им чаще отводилась роль стрелковой поддержки. В часы затишья сестры врачевали раны, укрепляли дух умиравших казаков. Кроме того, Матрёна исполняла в отряде роль пирра – духовного лидера.

– Матрёна, каково настроение в отряде? Есть желание драться у казаков и аланов? – спросил воительницу атаман.

– Загнанные волки и огрызаются злее, – ответила Матрёна.

– Вот-вот. Завтра станут охотиться на нас, как на волков, – вполголоса сказал атаман.

– Матерый волк уходит от загонщиков потому, что хитрее их, – заметила Матрёна. – Я молилась богам и спрашивала их совета.

– И что они посоветовали?

– Походный атаман ты – тебе и принимать решение. Но звезды расположены к нам благожелательно.

– Хоть что-то хорошо. И слава богу!

Слева от них зашуршала палая листва под ногами.

– Атаман, к тебе просится старший от зихов, бек Одил, – вполголоса доложил Ром.

– Одил-бек, – поправил Рома Сивый, произнеся имя зиха на туранский манер. – Хорошо, веди его ко мне, – не оборачиваясь, ответил атаман. – Стой. – Сивый Конь положил руку на плечо Рому. – Найди мне есаула Лозу и приведи ко мне тоже.

– Да тут он, неподалеку, – проворчал Ром и растворился в темноте.

Через какое-то время снова еле слышно зашуршала листва под ногами. Ром провел к атаману есаула и бека.

– Здрав будь, атаман, – приглушенно поздоровался бек. Есаул стоял молча. Ни к чему зря воздух сотрясать. Понятно, что атаман зря звать не будет. Да и виделись недавно, когда Сивый Конь отдавал ему начальные распоряжения о дозорах и разведке.

По обычаю бек ждал, пока заговорит атаман. Врожденное чувство вежливости не позволяло ему начать разговор первым.

– Стерегут нас, – сказал Сивый Конь, кивнув на огни костров. – А утром прочешут лес. И нам тут не выстоять. Значит, оставаться здесь нам не с руки. Что скажете?

– Уходить отсюда надо сейчас, ночью, – сказал есаул.

– И пробиваться к своим, – добавил бек.

– Сколько с тобой людей? – спросил бека атаман.

– У меня и у Аслан-бека всего около трех сотен, – коротко ответил бек.

– И наших около семи сотен, – покачал головой атаман. – А сколько в лагере?

– Наши пластуны насчитали в лагере не меньше двух тысяч. И к утру должно подойти подкрепление, – доложил есаул. – Кроме того, в лагере говорят, что основные силы Калокира разбиты императорскими гвардейцами.

Бек не смог сдерживать горький стон разочарования.

– Даже если это преувеличение, пробиваться к своим нам нет смысла. Впереди нас ждет только конная гвардия базилевса, – мрачно сказал атаман. – Лоза, а что хорошего разнюхали наши пластуны?

– Конницей, что преследует нас, командует лонгин из аланов, – усмехнулся есаул. – У нас одна выучка. Он догадывается, что мы не будем тут тухнуть до утра, и потому остерегся. Если мы попытались бы вырваться, то напали бы на его лагерь. Так что те костры, что мы видим отсюда, – это ложный лагерь. Настоящий лагерь расположился в двух полетах стрелы левее.

– Хорошая новость! – сказал, пригладив усы, атаман. – Что ж, будем брать!

– Но куда же нам идти, если позади ромеи и впереди ромеи? – хмуро спросил бек.

– Пойдем прочь из загона, – ответил атаман. – Туда, где нас не ждут и где ромеи наверняка не выставили заслонов. Мы пойдем к Адрианополю, на соединение с конницей Великого князя Святослава.

– Любо, – ответил, подумав, Лоза.

– В этом есть смысл, – согласился и бек Одил. – Можно уложиться в суточный переход, если только передвигаться быстро и без привалов.

– Да, но, чтобы так двигаться, нам надо иметь каждому по два коня. И третьего коня – для оружия и припасов, – покачал головой Лоза.

– Вон там наши вторые и третьи кони. – Сивый указал рукой на горевшие костры. – Есаул, найди куренного атамана Назара и передай ему мой приказ: выдвигаться с пластунами к лагерю ромеев. Его задача – вырезать караулы и завладеть табунами.

– Любо, – хищно оскалился Лоза.

– Сам пойдешь с ними. К рассвету все должно быть сделано. Когда Назар овладеет табунами, ты подашь сигнал огнем о готовности со стороны настоящего лагеря ромеев. Ну а мы с беком по этому сигналу верхами выдвинемся из леса и атакуем лагерь. – Атаман в упор взглянул на бека. – Рубите всех, кто будет сопротивляться. Кто побежит – не трогайте. Но нам нужны пленные из тех, кто побогаче одет. Попытаемся обменять на наших. Вопросы есть?

– А мне что делать, когда вы атакуете лагерь? – уточнил есаул.

– В драку не ввязывайся. Помогай Назару, – приказал атаман. – Ваша задача – сохранить табуны. Не спеша гоните их в сторону Адрианополя. С божьей помощью поздним утром мы вас нагоним.

– Любо, – сказал есаул.

– Очень хорошо, – подтвердил бек.

## Глава третья

Слухи о сражении возле Аркадиополя вскоре достигли Константинополя. Чиновники прилагали все усилия, чтобы раздуть эту победу, а поражение у Адрианополя всячески замалчивали. В храмах прошли торжественные богослужения по случаю поражения скифов. Горожане восторженно говорили, что в этой битве было убито пятьдесят пять ромеев, много было ранено и еще больше пало коней, а скифов погибло более двадцати тысяч. Множество было пленено. Часть из них обратили в рабов, а другая часть будет отправлена в Константинополь для публичных казней.

В храме Святой Софии после литургии был совершен благодарственный молебен по поводу победы над скифами. Богослужение вел новый архиепископ Константинополя, отец Василий.

Сам храм, где происходило богослужение, был украшен как литургический образец мира, как «подражание вселенной». Земля, море, воздух, планеты и звезды были явлены в пространстве храма, его архитектуре, облицовке и росписях. Здесь потустороннее являлось посюсторонним, смысл сходил во всякий предмет. Здесь снималось противоречие между духовным и материальным, небо спускалось на землю. Бог становился человеком и воплощался в мире.

Базилевс Иоанн провел в храме всю службу от начала до конца, ничем не выделяясь из толпы простых обывателей.

По окончании богослужения отец Василий прошел к себе в покои, чтобы передохнуть. Его отдых был бесцеремонно прерван паракимоменом Василием, который чуть ли не насильно притащил за собою в его покои и Цимисхия.

– Прошу прощения, святой отец, за вторжение, но дела государственные требуют незамедлительных решений, – с порога сказал паракимомен и вошел в покои. Патриарху Василию ничего не оставалось, как развести руками и приглашающим жестом указать на стулья, стоявшие возле стола.

– Прошу вас, дети мои, располагайтесь.

– Василий! – в который раз скривился Цимисхий. – Ну чего ты гонишь лошадей? Мы только что одержали победу над страшным врагом. А ты не даешь нам возрадоваться как подобает и вознести благодарственные молитвы Богу.

– Мы обязательно возрадуемся, но позже. А сейчас надо действовать, чтобы не оказаться в огненном чреве Быка на площади.

– О чем ты говоришь? Разве Варда Склир не одержал блистательную победу над скифской коалицией?

– О да. Но официальная версия для городского охлоса не должна вводить в заблуждение государя!

– Ты на что намекаешь? – нахмурился Цимисхий.

– Только на то, что ты не владеешь всей информацией, и мой долг открыть тебе глаза на происходящее, – смиренно ответил паракимомен.

– И чего же я, по-твоему, не знаю?

– Войско Калокира остановили под Аркадиополем, но столица фемы Македония оказалась в осаде. На самом деле войска болгарских союзников не разгромлены. Они остановились на границе империи и выжидают.

– Выжидают чего?

– А того момента, когда восставшие фемы Азии подойдут к Царскому городу с юга.

– О чем ты говоришь?

– Я говорю о том, что нельзя недооценивать патрикия Калокира и поддержку его сородичей из Херсонеса Таврического. Олигархи Таврии имеют давние торговые связи с олигар-

хами Синопа<sup>46</sup>. Поэтому дука Варда, сын куропалата Льва и племянник императора Никифора, тайно склонившись к перевороту, убежал из Амасии, куда он был сослан. Помощниками в этом деле были его двоюродные братья: патрикии Феодор, Варда и Никифор. В глухую ночь дука Варда тайком покинул Амасию и, все время меняя заранее подготовленных лошадей, прибыл в Кесарию Каппадокийскую<sup>47</sup>. Пробыв там несколько дней, он собрал вокруг себя множество сородичей, а также отчаянных, склонных примкнуть к восстанию людей. Они объявили себя апостасиями, которые хотят поставить вместо «плохого» самодержца «хорошего».

– Кто их поддержит? В Азии много и моих родственников.

– Не скажи, государь. В обычае людей проявлять чрезмерную радость во время переворотов. Их прельщают надежда на призрачную славу, почетные звания и раздача денег.

К тому же апостасии обещают улучшить положение простого народа. Это нашло отклик в среде земледельческих общин, переданных в государственное управление.

– О каких общинах идет речь?

– Тех, что были подарены в качестве частных поместий василиссе Феофано ее убиенным супругом. Как только василисса была признана виновной в соучастии преступления, все эти земли были возвращены государству. Управляющий поместьями Симеон Амвел – человек низкого, незнатного происхождения – тотчас возглавил сопротивление государственным чиновникам и сборщикам налогов.

– Что за ересь?! – вскипел Цимисхий. – Я не давал такого указания.

– Это было решено на заседании синклита и во благо государства – чтобы пополнить пустую казну.

– Ну-ну. А председательствовал в синклите ты, – скривился Цимисхий. – Чего еще я не знаю?

– Сын мой, – подал голос со своего места патриарх Василий, – патриарх Антиохийский Феодор и твой слуга комит Вурца весьма рьяно взялись за еретиков-гностиков. Гонимые ими сторонники манихеев и павликиан объявили тебя демоническим властителем, препятствующим искуплению во имя веры. Их греховные проповеди находят приверженцев среди мятежников, особенно в среде разорившихся земледельцев.

– По моим сведениям, к мятежу причастен и куропалат Лев, отец Варды, который находится в заключении на острове Лесбосе, – добавил и паракимомен. – Через Стефана, епископа Авидоса, он обещал македонцам деньги и почести, убеждая их принять его, когда он у бежит с острова. Призывает их восстать и помочь ему свергнуть тебя с престола. И, кроме того, обещал им мир и помощь со стороны болгар.

– Так вот чего ждут скифы, – покачал головой Цимисхий. – Ах, дядя, дядя. Все не успокойсья. – Он вскочил на ноги и, заложив руки за спину, зашагал из угла в угол, раздумывая.

– Сын мой, – снова подал голос патриарх, – я услышал обвинения в адрес епископа Авидоса. Это серьезное обвинение для священника. Отец Стефан будет вызван на синод епископов для суда.

– Не торопись, отец мой, – отмахнулся паракимомен. – еще не время. Тайная стража должна выявить всех участников заговора и предать их всех показательному суду. Только после этого дело епископа будет передано в церковную инстанцию.

– Но это противоречит каноническому праву, сын мой, – попробовал возразить патриарх.

---

<sup>46</sup> Синоп – район и город в Северной Турции, на южном берегу Чёрного моря. Между ним и Херсонесом самый короткий морской путь.

<sup>47</sup> Современный Кайсери – на юге Турции, в Центральной Анатолии. В Древние времена был известен как Кесария Каппадокийская, Цезарея, Мазака и Евсевия. Центр фемы Каппадокия. Византийцы называли ее столицей Первой Армении. Бывшие исторические области Малой Азии, окружавшие Каппадокию, таковы: с севера – Понт, с северо-востока – Армениак, на востоке – Месопотамия, на юге – Сирия и Киликия.

– Это делается во благо государства, – как отрезал паракимомен. – Лучше займись, отец мой, тем, чтобы поместный синод разрешил монахине, одной из дочерей Константина Багрянородного, выйти замуж за базилевса Иоанна. Разумеется, брак будет исключительно духовным.

– Опять ты за свое, Василий! – остановился Цимисхий, глядя исподлобья на паракимомена.

– Не спорь, государь, – угодливо, но твердо поддержал паракимомена патриарх. – Женитьба на Феофано, опорочившей себя заговором, отвернет от тебя тех, кто сейчас еще поддерживает тебя.

– А связать тебя браком с правящей династией просто необходимо. Только так ты на законном основании сможешь владеть титулом Владыки вселенной. А это можно сделать, только женившись на одной из дочерей Константина Багрянородного, – настаивал Василий. – Этим ты выбьешь опору из утверждения апостасиев, что красные сапоги может надеть любой из благородного сословия всадников, если их надел Цимисхий. Вот и Варда Фока их уже тоже примеряет.

– А, делайте что хотите, – махнул рукой Цимисхий и продолжил ходить из угла в угол.

– Отец мой, – повернулся к патриарху Василий, – мне кажется, монахиня Феодора будет подходящей кандидатурой.

– Вот что, – остановился Цимисхий, снова прервав беседу патриарха с паракимоменом, – обсуждать монахинь будете без меня. А сейчас будем решать первоочередные проблемы. Что, по-твоему, Василий, нам следует ожидать в ближайшем будущем?

– Это очевидно, – развел руками паракимомен. – Калокир подведет войско к стенам Царского города с севера, Дука Варда – с юга. Македонские аристократы обеспечат поддержку горожан внутри города. А викинги на «белых медведях» спустятся по реке от стен Адрианополя в Эгейское море, оттуда – в Мраморное море и нападут на царский дворец. И если их не остановили горы, то не остановят ни Галлипольский полуостров, ни жалкая цепь, перегораживающая бухту Золотой Рог.

– Боже, спаси и сохрани! – стал истово креститься и возносить молитвы отец Василий.

– Да подожди ты, святой отец, – махнул на него рукой Цимисхий. – Вот что, Василий. Когда-то и я ходил на лекции Багрянородного. Может, не так часто, как надо было, но все же я кое-что усвоил. Это старый принцип римских цезарей: «Разделяй и властвуй». И мы теперь будем его применять на практике.

Под предлогом гуманитарной помощи осажденным срочно отправь флот к Адрианополю. В крайнем случае он станет «пробкой» для флота русов. Пусть идут под белым флагом парламентариев. На любых условиях патрикий Пётр должен будет заключить мир со Сфендославом и добиться его возвращения к границам Болгарии на любых условиях. Если князь Рус действительно, как говорит, не хочет войны с Византией, это будет нетрудно. Без помощи русов Калокир не посмеет напасть на нас. А еще надо будет переговорить с самим Калокиром. Его надо заверить в нашей дружбе. Пусть остается, если хочет, главнокомандующим у царя Бориса.

– Ты спустишь с рук Калокиру оскорбление?

– С ними со всеми разберемся позже. А пока нам надо выиграть время, – ответил мрачно Цимисхий. – Магистра Варду срочно отозвать из Македонии и перевести на азиатский берег напротив Константинополя, на фему Оптиматы. Назначить стратигом Азии. Фока в Каппадокии собирает своих родственников, пусть Склир в Оптиматах собирает свою и мою родню. Вместе с ипаспистами<sup>48</sup> они составят тагму<sup>49</sup> стратилатов. Посмотрим тогда, кто кого.

<sup>48</sup> Ипасписты (гипасписты) или буккеларии – личные дружины аристократов, отличавшиеся отличным вооружением, выучкой и умением биться верхом и пешими, в строю и в одиночку.

<sup>49</sup> Та́гма, также Вигла либо Арифмос – основная единица деления ромейского войска. В современном греческом языке «тагма» означает батальон.

– А в Македонии кто будет вторым стратигом? Если в переговорном процессе что-то не заладится, кто-то должен будет возглавить оборону возле Аркадиополя.

– Отправь туда моего шурина и тезку магистра Иоанна Куркуаса. Он хоть и любитель выпить, но зато верный. На македонцев сейчас не стоит полагаться.

– Халдия граничит с царствами князей Багратуни, – напомнил Цимисхию Василий. – А если дука Варда заручится их поддержкой?

– Это возможно, сын мой, – поддержал паракимомена патриарх. – Царство Аданарсе<sup>50</sup> больно павликианской ересью, а царство Ашота<sup>51</sup> – тондракизмом.

– Чушь! – как отрезал Цимисхий. – Мы с царем картлов Аданарсе сражались бок о бок и ели из одного котла, когда Варда Фока был еще мальчишкой. Никакие еретики не заставят его поднять меч против меня, да еще под знаменем молокососа, хоть и герцога Халдии. А Ашоту в Ани<sup>52</sup> хватает проблем со своими мусульманскими родственниками.

– Что делать со Львом Фокой, епископом Стефаном и другими заговорщиками? – подумав над словами базилевса, через некоторое время спросил Василий.

– Это на твое усмотрение, – махнул рукой Цимисхий.

– Народ ожидает зрелищ. Возможно, показательные казни на площади Быка придадут мужества горожанам и заставят колеблющихся остеречься необдуманных поступков. Для этого подойдут некоторые заговорщики и скифские головорезы, захваченные на войне, – предложил паракимомен.

– Делай что хочешь, – легкомысленно согласился Цимисхий.

\* \* \*

Хроническая нехватка времени заставила базилевса и его паракимомена лихорадочно трудиться круглые сутки напролет. Совещания, распоряжения, приказания и ожидание. И вот, наконец, результат – можно было вздохнуть немного свободнее.

Великий князь Святослав Храбрый прекратил наступление на Константинополь и заключил с Византией мирный договор. Русам, как и было обещано ранее, уступались земли восточнее Истра. Кроме того, им обещали дань на всех воинов, включая убитых. От лица юных цезарей мирный договор подписал их соправитель, базилевс Иоанн Куркуас.

Вслед за Святославом на мирный договор, положивший конец войне, вынужденно согласился и Калокир, главнокомандующий царя Бориса. Его войско потерпело поражение, поэтому разговоров о дани не было. Зато Болгария признавалась суверенным государством. Особым пунктом договора между ним и базилевсом было оговорено, что из фемы Херсон будут непрерывно продолжаться поставки зерна в Константинополь. И это было чрезвычайно важно для города, третий год балансировавшего на грани голода.

Паракимомену Василию пришлось поступиться своими кровожадными планами. К его досаде, пленных скифов не подвергли пыткам и казням на площади Быка на радость торжествовавшим горожанам.

По настоянию Великого князя Святослава отдельным пунктом мирного договора был установлен порядок обмена пленными, без всякого выкупа и по формуле «все на всех».

---

<sup>50</sup> Аданарсе куропалат, сын Смба́та куропалата, внук Аданарсе II – царь Картвелов из Тао-Кларджети (истор. Картли, Верхняя или Армянская Иверия) и куропалат Византии с 961 года по 983 год. Федерат Византии.

<sup>51</sup> Ашот III Вогормац (Милостивый) (ум. в 977 году) – царь царей (шахиншах) Анийского царства (952–977 годы) в провинции аль-Арминия III Багдадского халифата.

<sup>52</sup> Ани (тур. Оджаклы) – разрушенный средневековый армянский город в современной Турции, возле границы с Арменией. В период с 961 года по 1045 год Ани был столицей одноименного царства.

\* \* \*

Обмен военнопленными был произведен возле двух городов, близ которых проходили основные сражения. Но большее количество пленных скифской коалиции было отпущено на волю вблизи Аркадиополя. Их с радостью встречали боевые товарищи. Одни из них в мирной жизни были родственниками, другие – соседями, третьи – просто знакомыми.

Ром высмотрел Сака среди унылой колонны бредших возвращенцев.

– Сак, братишка! – громко выкрикнул Ром, соскочил с коня и бросился в сторону брата. Они заключили друг друга в крепкие объятия.

– Живой, братишка. Как тебе удалось выжить в той атаке? – Ром похлопывал брата по спине, потом отстранил от себя и заметил его перебинтованную руку: – А это что? Ты ранен?

– Все хорошо, Ром. Пустяшная рана, – успокоил брата Сак. – Мне повезло. Мы атаковали курсантов школы «бессмертных», в которой учились сами. Адонис и Георгиос из одиннадцатого лохага узнали меня. Помнишь их?

– Конечно, помню. Сколько раз мы сбегали из школы вместе, чтобы повеселиться в ближайшей корчме. Хорошие ребята.

– Ну вот. Они меня и взяли в плен, не дав другим прикончить меня в горячке боя.

– Надо будет проставиться ребятам или как-то по-другому их отблагодарить, – заметил Ром. – И похоже, у нас будет для этого время. А теперь пойдем к дядьке атаману. Видишь, Сивый Конь ждет тебя с нетерпением.

Сивый Конь, сохраняя достоинство, невозмутимо сидел на коне и находился чуть в стороне от дороги. Справа и слева рядом с ним находились и его помощники: есаул Лоза и пир Матрёна. Облаченную в мужскую одежду женщину нельзя было выделить из окружавших ее воинов казарского братства.

Куренные атаманы выискивали среди возвращавшихся пленных своих подопечных и подводили к атаману. Некоторые братья сами, заметив походного атамана, выходили из колонны и подходили к нему.

Они говорили ему о выпавших на их долю злосчастьях и тех, кто не выжил в той злощастной резне. Для всех атаман Сивый Конь находил ободряющие слова поддержки.

Вот и Ром подвел брата к атаману.

– Все семейство в сборе, – заметил атаман с сарказмом, оглядывая Сака. Его глаза сияли радостью, хотя внешне он был вынужден изображать невозмутимость. – Ром, отведи брата в лагерь. Вечером поговорим.

\* \* \*

Вечером в лагере у костерка, вдали от людских глаз, атаман мог не сдерживать своих чувств. Он крепко обнял своего племянника. Сивый внимательно выслушал рассказ Сака о его пребывании в плену. Потом они немного помолчали.

– Великий князь заключил мир с ромеями. Святослав распустил конное войско русалан по домам. Наш военный поход завершился, – начал не спеша говорить атаман. – На будущий год Великий князь хочет идти в поход на баронства восточных франков. К весне каган Куря соберет новое конное войско для Великого князя Святослава. Но пока казакам предстоит путь домой. Хорошо ли, плохо ли, но им придется возвращаться назад без нас, – сказал Сивый Конь, помешивая палочкой угли в костерке. – Благодаря этой войне и Великому князю наши Багрянородные племянники живы. Но это только пока. Я получил весточку из Константинополя. Моя племянница и ваша сестра зовет нас на помощь. И потому наша миссия еще не окончена.

Нам предстоит путь в Царский город, захваченный узурпатором. Там некому будет замолвить за нас словечко. И шадить не будут. В худшем случае нас будет ожидать раскаленное чрево Быка на центральной площади, в лучшем – быстрая смерть от рук стражников в какой-нибудь подворотне. Вы готовы, братья?

– Наша сестра в цепях. Наша мать и племянники в опасности. Долг чести ведет нас. Разве можно в этой ситуации говорить об опасности? – ответил Ром.

– Мы готовы. Тут не о чем говорить, – поддержал его Сак.

– Любо, – кивнул головой атаман. – Завтра соберу атаманский Круг и сложу с себя полномочия. А вы готовьте скарб к походу. Оружие и броню с собой не брать – только ножи. Постарайтесь раздобыть ромейскую одежду и сбрейте бороды. Послезавтра в честь предстоящего похода зарежем жертвенного барана. А после полудня отправимся к морю. Там обменяем наших коней на места в рыбацких лодках. Оттуда с рыбаками переправимся в Константинополь.

– Любо. Понятно, дядька, – закивали оба брата.

\* \* \*

На второй день, едва взошло солнце, трое казаков спешили возле небольшой часовни у ближайшего села. Пока Сивый договаривался со смотрителем, Ром и Сак купили барана у сельского старосты.

Конечно же, христианские догматики выступили бы против сего обряда, усмотрев в нем жестокие языческие корни. Но у казаков, как у всех скифов, древний обычай воинов, приносивших жертву в Священной роще, органично слился с верой Христа.

На раскидистом дереве, что росло возле часовни, они освежевали барана.

– Смерть и кровь – Нави. Душа – Прави. Шкура и мясо – Яви, – приговаривал Сивый, срезая шкуру с жертвенного животного.

Закончив процедуру, шкуру животного казаки отдали смотрителю часовни, потроха – нуждавшимся жителям села. Ну а жареным мясом поделились со своими боевыми товарищами.

\* \* \*

После полудня налегке, стараясь не привлекать излишнего внимания, трое всадников покинули расположение аланского лагеря.

Добрая половина стана смотрела им вслед, делая вид, что не замечает их отъезда. Матрёна подняла руку в благословляющем жесте и перекрестила их силуэты, таявшие вдаль.

Уже лагерь остался позади и скрылся из глаз, когда наперерез трем одиноким всадникам выехали из-за ближайшего холма еще два всадника. Сивый Конь вскинул руку, призывая к готовности племянников и останавливая коня. Но, когда встречные подошли поближе, узнал в одном из них куренного атамана пластунов Назара и успокоился.

– Чего тебе, Назар?

– Так я, это, того... батя, с тобой... – Назар не силен был в красноречии.

– Это может быть поход в один конец, дурья башка! Возвращайся домой! – свел брови Сивый Конь.

– Не, батя, я того... с тобой... – упрямо повторил Назар.

– Ну и что мне с ним делать? – развел руками Сивый. – А еще кто это с тобой?

– Это наш батман, – на северский лад представил Назар атамана своему попутчику. – А это Аслан. По-нашему – Лев. Он из зихов.

– Приветствую тебя, батухан. Я Асланбек, – представился попутчик Назара. – И иду с Назарбай в Ром. Его враги – мой враги.

– Я это, батя... слегка выручил его в бою. Ну и подружился. Теперь вот не отстает, – объяснил Назар.

– А ты говорил ему, что идти с нами в Царский город – это верная смерть? – спросил с любопытством Сивый Конь, но Назар только махнул рукой.

– Мэна смотреть Рум. Твой враги – мой враги, – мотнул головой Аслан.

– Ну, коли так... С нами Бог! Вперед, Белые волки! – решил Сивый Конь и послал коня вперед.

\* \* \*

Пока послы трудились, устраняя угрозу с севера, тайная стража Константинополя ликвидировала заговорщиков в самом Царском городе под неусыпным контролем паракимомена Василия. Городские стражники-равдухи арестовывали людей, подозреваемых в измене, преимущественно по ночам, чтобы зря не будоражить население Мегополиса.

Их не останавливали ни двери поместий, ни ворота монастырей. Людей сажали в тюрьмы, невзирая на должности и звания.

Епископ Стефан был арестован в Авидосе. Его доставили в Константинополь и передали дело на рассмотрение светского суда. Вскоре туда же доставили в цепях куропалата Льва и его сына Никифора.

После этого состоялся скорый и показательный суд, на котором были раскрыты коварные замыслы заговорщиков. Обвиняемые были уличены в преступлении. Многие друзья Льва, принимавшие участие в заговоре, направленном на свержение государя, лишились богатств и своих домов. Некоторые из осужденных закончили свои дни на площади Быка. Каждый день над площадью раздавался рев из его металлической глотки. Это вопили люди, заживо спекаемые в его чреве.

Священника Стефана заперли в монастыре в ожидании ближайшего заседания синода епископов. Там должны были лишить его священнического сана.

Но самого зачинщика заговора, куропалата Льва, и сына его Никифора, которые по решению судей были приговорены к смерти, базилевс помиловал, несмотря на крайнюю досаду паракимомена. Движимый человеколюбием базилевс велел ослепить их обоих и после этого сослал обратно на остров Лесбос. Вот как кончилась попытка куропалата Льва переправиться в Европу, чтобы войти в союз с болгарами.

Жесткими мерами паракимомен Василий спешил навести порядок в столице, зная, что в это время дука Халдии Варда спешит на помощь отцу, продвигаясь с войском к азиатскому побережью пролива.

На своем пути он сеял ужас и разорение. Он уничтожал огнем жилища непокорных аристократов и позволял мятежным общинникам разграблять их. Дука Варда расхаживал среди множества людей, собравшихся вокруг него, в красных сапогах. Он чванился и говорил о том, что вот-вот завладеет ромейским тронem.

Состоятельные землевладельцы превратились в беженцев. Их семьи массово покидали азиатские провинции, переправляясь на европейский берег. Они скапливались в Царском городе, своими рассказами беря умы простых горожан. С таким трудом достигнутое спокойствие готово было снова обратиться в хаос, а хаос – перерасти в слепой, все сметающий и разрушающий бунт.

На азиатской стороне пролива Босфор, в Оптиматах, магистр Варда Склир так же спешно собирал родственников и сторонников Цимисхия. Он закрыл побережье и стал щитом Царского города.

Пока магистр собирал войско, достаточное, чтобы не только обороняться, но и способное разбить бунтовщиков, базилевс решил воззвать к разуму дуки Фоки. Он отправил ему письмо, написанное собственноручно: «Я узнал о мятеже, который начался недавно на Востоке. Я считаю, что это не столько твой умысел, сколько следствие безумия и варварского нрава твоих сообщников. Но я не хочу осквернять землю кровью сограждан. Склонитесь перед императорским могуществом, которое – Бог свидетель – оставляет безнаказанной столь великую вашу дерзость и дарует вам прощение и помилование. Все владения ваши сохранятся в целостности и неприкосновенности. Если же вы будете продолжать тщетные попытки добиться тирании, то пожалеем о своем безрассудстве. Тех, кто выживет после битвы, осудят по закону и предадут смертной казни».

\* \* \*

Гонца, перевозившего это послание, целого и невредимого доставили к дуке Варде. Вместе с двоюродными братьями и некоторыми предводителями он как раз обедал в столовом зале захваченного ими имения. Стол ломился от яств. Вино лилось рекой. Кладовые и винные погреба были опустошены мятежным сбродом.

Дворовые слуги и освобожденные рабы показывали своим освободителям тайные хранилища своих бывших хозяев и вместе с ними участвовали в их разграблении. Во дворе кучами валялась разбитая мебель из ценных пород дерева и прочая домашняя утварь. Из резных, позолоченных ножек стульев и столов тут и там соорудили костры. На них поджаривали забитый домашний скот, тот, что не успел убежать.

В ожидании готовности поджаренного мяса перепившиеся мужчины и женщины занимались непотребством на глазах у своих поделщиков. Пьяный хохот и крики людей перемешивались с мычанием, кудахтаньем и блеянием животных. Только в конюшнях было тихо. Туда стащили трупы тех, кто оказывал сопротивление нежданым погромщикам.

Гонца, оцепеневшего от увиденного, ипасписты провели внутрь и поставили перед Вардой.

– А, мой дорогой дядя снизошел до общения со мной. Читай! – велел дука гонцу.

По мере того как гонец зачитывал послание, лицо дуки Варды мрачнело. И, когда оно было зачитано до конца, Фока разразился непотребной руганью.

– Нечестивый злодей! Гнусный убийца своих родственников! Узурпатор! Царевубийца! – вторили Варде его соратники.

Когда первоначальный гнев был выплеснут, дука Варда Фока призвал всех к молчанию и обратился к гонцу:

– Узурпатор достоин моего письменного ответа. Передай на словах, что не ему, а мне принадлежит верховная власть. Я могу гордиться тем, что дед мой был кесарем, а дядя – Владыкой. А он, злодей, не побоялся всевидящего ока правосудия и заколол государя, как жертву, на разостланной среди пола постели. И подверг отца моего и любимого брата страшным мукам по какому-то неясному и недоказанному обвинению. Справедливость побуждает меня отомстить за все это. И я воздам ему за кровь славного и доблестного рода.

После этих слов гонца вывели, усадили на коня и отправили восвояси. Нет хуже доли посланника, служащего связующим звеном между двумя враждующими сторонами. Он рискует расстаться с жизнью как минимум дважды. Первый раз – когда доставляет послание адресату. Второй – когда возвращается с ответом. В тот раз гонцу повезло. Он как можно мягче изложил ответ дуки базилевсу, за что был награжден и смог на радостях упиться в первом же попавшемся ему кабаке.

\* \* \*

Узнав со слов гонца о разорении провинций, о безумных словах дуки Варды, император Иоанн решил не медлить и не предаваться более беспечности. Не допускать того, чтобы сборище мятежника, воспользовавшись его бездеятельностью, разрушало города и укреплялось в своем неистовстве. Он вознамерился, когда представится возможность, дать бой, используя все силы, и отразить разбойников, больных бесчеловечным стремлением к грабежам и убийствам.

Цимисхий вызвал к себе магистра Варду Склира, который приходился ему деверем. Встреча проходила при закрытых дверях и в отсутствие всемогущего паракимомена.

– Приветствую тебя, магистр Варда.

– Многие лета и тебе, государь.

– Каково состояние войска, которое ты собрал в Оптиматах?

– У меня достаточно воинов, чтобы разгромить мятежников, а выживших заставить молить о пощаде и обратить их в жалких рабов, – обтекаемо ответил Склир.

Цимисхий подошел к окну и, глядя на морскую гладь, стал говорить:

– Я знаю, что мне приписывают чудовищные поступки. Но по большей части я даже не слышал о них. Самый большой мой грех – это предательство Никифора.

– Мне плевать на Никифора.

– Зато мне не плевать, Варда. Ты даже не представляешь, какой камень на сердце у меня.

Не проходит и дня, чтобы я не сожалел о случившемся. Моя совесть – как орел, клюющий печень Прометея.

– Хватит себя винить. Что сделано, то сделано. Теперь ты базилевс, нравится это кому-то или нет. И я буду тебя поддерживать до конца. Если понадобится – даже ценой своей жизни.

– Я не сомневался в тебе, мой друг. Ты брат моей любимой жены. Тебе по старинному обычаю я доверил бы воспитание наших детей. Ты был бы моим восприемником перед Богом и людьми. Но злая судьба отняла у нас Марию Склирину.

– Она не успела родить тебе детей, но она была бы рада, если бы я стал твоей опорой до конца наших дней.

– Благодарю тебя, Варда. – Цимисхий подошел, положил руку ему на плечо и заглянул в глаза. – Только потому, что я тебе так доверяю, скажу тебе то, что не должно достичь ушей паракимомена Василия.

– Можешь на меня рассчитывать.

– Евнухи, такие мягкие снаружи, весьма жесткие внутри. В отличие от него я не столь кровожаден. И не хочу участвовать в избиении своих родственников сверх всякой меры. Василий настаивал на смертной казни для Льва и его старшего сына, но я сумел переубедить его.

– Весь город видел, что их ослепили.

– Горожане видели то, что им дали увидеть. На самом деле им опалили лишь ресницы. Их лица обезобразят шрамы, но видеть божий свет они будут и впредь.

– Ты велик, государь.

– А ты человек храбрый и предприимчивый. Ты отразил яростный натиск скифов у наших границ. Тебе по плечу деликатное дело, которое я хочу поручить тебе.

– Слушаю тебя, государь.

– Я хочу, чтобы ты, насколько возможно, не губил наших родственников и не проливал кровь соотечественников, если не будет на то крайней необходимости. Твой брат Константин женат на Софье, сестре Варды Фоки. Попробуй через нее установить контакт с его двоюродными братьями. Привлеки к себе его сообщников обещаниями почестей, раздачей денег и уверениями в полном прощении. – Цимисхий поставил перед Склиром небольшую коробку. – Тут скрепленные золотыми императорскими печатями грамоты, в которых обозначены досто-

инства таксиархов, стратигов и патрикиев. Этими грамотами награждай по своему усмотрению тех, которые откажутся от своих заблуждений, отрекутся от самовластного тирана и склонятся к покорности законному государю.

– Я сделаю все, что будет в моих силах, – заверил магистр базилевса. В это время дверь приоткрылась, и в помещение вошел палатин.

– Паракимомен Василий Ноф к базилевсу, – объявил палатин, и в ту же минуту дверь распахнулась шире. Следом за палатином в палату вошел всемогущий спальничий. Цимисхий поморщился:

– Василий! От тебя нигде не укрыться. Ты скоро и в отхожем месте начнешь выискивать заговорщиков, – сказал Цимисхий Василию и тут же выпроводил Склира: – Ступай, магистр. Исполни свой долг.

– Только самые свежие новости с Запада заставили меня прервать твое уединение, государь, – смиренно ответил паракимомен, подозрительно оглядывая уходящего Склира.

– И что же такого случилось, что не терпит отлагательства?

– Я встречался с послом императора Священной Римской империи, – ответил Василий. – В приватной беседе он заверил меня, что его государь Оттон готов заключить с тобой мирный договор и признать тебя законным правителем и императором Греции.

– И что же он хочет взамен?

– Нетрудно догадаться, – позволил себе усмешку Василий. – Голову Великого князя Святослава.

– Да ну? Это тогда, когда мы с таким трудом наладили мир на наших северных рубежах? С чего бы это?

– Оттон с тревогой смотрит в сторону Иберийской Галисии<sup>53</sup>. Туда, как ты знаешь, высадились викинги конунга Гундред. Он, как и мусульмане Кордовы, объявил, что законность престолонаследия рексов Галисии была нарушена. Мавров, которые в прошлом веке под этим предлогом захватывали территорию вестготов, изгнали. Теперь он приплыл, чтобы устранить эту застаревшую проблему престолонаследия по-свойски.

– Допустим. А какое дело до проблем готов германскому Каролингу? Это проблема западно-франкских Каролингов.

– Самое непосредственное, – объяснил Василий. – Конунг Гундред не мавр. И он не покупал титул рекса у римского понтифика, как это делают многие князья иберийских готов. Он по праву крови может претендовать на лидерство в Галисии. Объединив под своей властью все разрозненные княжества вестготов Иберии, он стал бы представлять для франков реальную угрозу. Ни франкам, ни саксонцам после этого не поздоровилось бы.

– Откуда ты можешь это знать? – недоверчиво спросил Цимисхий.

– Таков был план покойного базилевса Никифора, который он разрабатывал вместе с князем Святославом, – скромно ответил Василий. – Конунг Гундред должен был потрепать империю Оттона с запада, Великий князь Святослав – с востока, а мы – с юга. В конечном итоге, после разгрома Священной Римской империи, Святослав получил бы контроль над полабскими славянами и саксонцами Восточно-Франкского королевства, Никифор – над Итальянским королевством, ну а Гундред – над Западно-Франкским королевством. Никифора уже нет, но Святослав по-прежнему пытается воплотить в жизнь тот старый план.

– Очень самоуверенно. Почему ты раньше мне ничего не говорил об этом плане? – нахмурил брови Цимисхий.

– Во-первых, потому что после смерти Никифора Святослав стал твоим врагом. И он первый, с кем тебе пришлось сражаться, чтобы удержаться на престоле. И, во-вторых, я знаю

---

<sup>53</sup> Галисия – исторический регион на северо-западе Пиренейского полуострова и автономное сообщество Испании.

о твоей расположенности к императору Священной Римской империи Оттону. Подружившись с ним, ты развяжешь себе руки для войны в Сирии и Месопотамии.

– Очень вовремя Никифора убрали со сцены, – подозрительно взглянул на Василия Цимисхий. – А по чьей указке вершишь дела ты, Василий? Я стал удобным исполнителем твоих замыслов?

– Уверяю тебя, государь, все это чистое совпадение, – оправдывался паракимомен.

Цимисхий некоторое время мрачно и сосредоточенно раздумывал, потом твердо сказал:

– Решу позже, что с этим делать, когда справлюсь с мятежом в Азии. Но если узнаю, что ты продался германскому Каролингу!.. Тогда берегись, Василий!

\* \* \*

В тот же день Варда Склар снова переправился через Босфор. Местом своего расположения он избрал местность возле города Дорилей<sup>54</sup> во Фригии. Туда он распорядился отправлять разрозненные отряды своих сторонников. Там, в широкой долине у реки, он велел расположить полевой лагерь.

С помощью брата Константина он разбил собравшихся воинов на сотни и тысячи. Назначил центурионов и лонгинов. После этого стал проводить ежедневные занятия по построению в боевые порядки и боевому управлению подразделениями.

Вскоре магистр убедился, что к нему собралось достаточное число воинов и его войско готово к бою. Тогда он, исполняя пожелание базилевса, попробовал еще раз воззвать к разуму своего свояка, чтобы предотвратить ненужное кровопролитие. Он написал ему письмо:

«Сомнительное и крайне опасное дело ты затеял, подняв оружие против соотечественников и осквернив здания священных храмов разбоем неистовых мятежников. Послушай же меня как свойственника и друга, желающего тебе добра: отступись от злой тирании и, вымолив прощение вины, спаси свою жизнь. Одумайся наконец! И, пока еще возможно милосердие, прими то, что ты будешь просить впоследствии, но не получишь, горько оплакивая свою судьбу и упрекая себя в неразумии».

Письмо было доставлено без промедления. И к этому посланию своего свойственника дука Варда отнесся более благосклонно, чем к посланию базилевса. Он даже, оказывая уважение магистру Склиру и соблюдая нормы приличия, написал ответ собственноручно. Но был по-прежнему тверд в своем заблуждении. Варда Фока ответил так:

«Я благодарен тебе за наставление. Но думаю, что это наставление может помочь лишь тогда, когда этому способствуют обстоятельства. Я буду биться за погибших членов моего рода. И тогда либо я достигну царственного величия и сполна отомщу убийцам, либо доблестно стерплю свой жребий, приняв смерть от гнусного и бесчестного тирана».

\* \* \*

Получив это письмо и убедившись в том, что никакими советами нельзя воздействовать на человека, которого дерзость ввергла в безумие, Варда Склар приступил к активным действиям. Он разбил войско на отдельные отряды и приказал выдвигаться параллельными дорогами в сторону Кесарии Каппадокийской. Местом сбора он назначил долину возле селения Дипотам, что находилось у реки Галис, совсем недалеко от того места, где стояли лагерем войска мятежников.

---

<sup>54</sup> Эскишехир – город на северо-западе Турции, в 250 км к западу от Анкары.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.